

Русская свадьба

Олонецкой губ., Пудожекаго уѣзда, Корбозерской волости ¹.

Вмѣсто предисловія.

Я родился 1882 года 22 сентября въ семьѣ крестьянина-бѣдняка Олонецкой губ., Каргопольскаго уѣзда, Лекшозерской волости, деревни Воротниковской. Деревня наша стоитъ на берегу озера; мы жили очень бѣдно; отецъ мой занимался немного хлѣбопашествомъ и пилвкой тѣсу, чѣмъ и содержалъ семью. Семья наша была: 3 сестры старше меня, а одна сестра меньше меня; всѣхъ было 5 ребятъ. И когда мнѣ исполнилось 6 лѣтъ, то моя мать померла родами, не могла разрѣшиться, и осталось на рукахъ отца пятеро ребятъ: старшей было всего 10 лѣтъ, а самой меньшей 2 года. И вотъ съ тѣхъ поръ судьба насъ преслѣдовала горемъ и несчастіями. Отецъ кое-какъ пробился 1½ года и опять женился на второй; привелъ намъ мачеху. И тогда наша жизнь была еще хуже; мачеха постоянно была и сама даже убѣгала нѣсколько разъ, но опять возвращалась. И когда мнѣ исполнилось 8 лѣтъ, а меньшей сестры 3½ г., то какъ разъ было лѣто: стоялъ іюнь, и въ одно утро дѣвочка встала съ постели и говорить мачехи: „магушка, я пойду на бережокъ“, и мачеха отвѣтила ей грубымъ словомъ. Дѣвочка заплакала, ушла на берегъ озера и тамъ уснула, а мачеха въ это время пошла на берегъ и увидала, что никого кругомъ нѣтъ, взяла камень и три раза ребенка ударила по головѣ, а потомъ заткнула ротъ и забрела сажень 10 въ озеро. потому что берега песчаные и отмелье, и тамъ бросила её въ воду. И воротилась мачеха домой, а мы еще спали. Она насъ разбудила, покормила и говорить старшимъ сестрамъ: „нужно идти въ лѣсъ на работу“, но сестры схватились: „гдѣ у насъ меньшая сестра?“ Она говоритъ, что этотъ парень,—показывая на меня,—ей найдетъ; вѣдь онъ останется дома. Но сестры сказали, что не пойдемъ, пока не найдемъ сестру, и пошли искать всѣ. Навѣстили отца; онъ пилил тесъ въ сосѣдней

¹ Печатается съ исправленіями орфографическими, но языкъ оставленъ безъ измѣненія; курсивомъ набраны буквы, оставшіяся незажѣненными по обычному правописанію, какъ передающія живое произношеніе. *Ред.*

деревни за 2 версты. Онъ сказалъ, что поищите еще; если не найдете, то опять сообщите мнѣ. И вотъ когда стали все искать вездѣ и въ колодезь и по темнымъ мѣстамъ и у дѣдка и бабки спросили. Были у насъ въ сосѣдней деревни за полверсты родители нашей матери, были жиня и дяди, братъ матери, жили зажиточно. Туда ходили, говорили; не были, и мы все искали. Я пошелъ на берегъ, и матека тоже туда пришла и говоритъ: „бреди, Ваня, дальше, я покунаю тебя“. И побрѣсть, а она велѣтъ, и когда уже было мнѣ глубоко брести, то она меня захватила и хотѣла утопить, но увидали люди и побѣжали на берегъ и закричали на *ней*, и тогда она меня вынесла обратно на берегъ и сказала, что хотѣла покушать, да онъ бѣтсея воды и кричишь, а сама тѣмъ временемъ ушла тихонько поза домамъ да поза полямъ и прямо въ лѣсъ. И когда уже сообщили отцу моему, что матека хотѣла со мной сдѣлать, то онъ сказалъ: „она рѣшила ребенка дѣвочку“, и стали все искать, цѣлый день искали, нигдѣ не нашли. На второй день уже сообщили всю волюсть искать ребенка, и матека тоже пришла къ уряднику изъ лѣсу и сказала, что „я вѣтъ хочу“; урядникъ наоринить *ей* и стать *ей* спрашивать: „скажи, Варвара, если твое дѣло, то тебѣ не большое дадутъ наказаніе, а если будешь упряматься, то больше дадутъ“, и она сразу упала ему въ ноги и повинилась во всемъ, какъ утопила дѣвочку и меня хотѣла утопить. Урядникъ позвалъ поитыхъ, и *ей* арестовали, и приказали искать въ озерѣ ребенка, и уже на третій день ловили неводами. И такъ-то въ лодкахъ ѣздили по берегамъ, но нигдѣ нѣтъ, и вотъ трое крестьянъ поѣхали кругомъ озера по берегу. Озеро имѣетъ длины 12 верстъ и 6 ширины, а глубина на срединѣ до 18 саж., и когда ѣхали по другому берегу, то замѣтили около кола, вбитаго въ водѣ, тѣло ребенка. Рубашкой ей обвиле кругомъ кола, а *ей* держало воротокъ ленточка за шею, и тогда *ей* взяли и привезли домой, потомъ вскрывали и похоронили, а матеку судили и сослали въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, а тамъ на вѣчное поселеніе. Матека отъ себя потомства не оставила, и тогда я поступилъ въ сельскую школу и окончилъ со сви дѣльствомъ.

Учился 3 года, но жить у дѣдка и бабки въ сосѣдней деревни и тамъ научился крестьянскимъ работамъ, а отецъ мой женился еще третій разъ; ему Синодъ разрѣшилъ. Взять вдову, тоже бывшую за двумя мужьями, но дѣтей отъ нихъ не имѣла, а отъ отца моего забеременѣла и покляла съ нимъ 7 мѣсяцевъ, и *ей* схватило родимчикомъ, и она померла, а сестры уже подростли. Двѣ жили въ работникахъ, а третья ушла въ городъ Каргополь, тамъ жила, а меня отецъ взялъ отъ дѣдка и отдалъ въ свою деревню въ пастухи пасти овецъ. Сколько я привелъ мукъ съ ними и слезъ. За все лѣто рядилъ 18 руб., готовиле харчи; мнѣ тогда было 12 лѣтъ. И когда окончилъ пасти овецъ, то послѣ того годъ жить дома, работать съ сестрами и отцемъ, а на 14 году

меня отецъ увѣлъ въ Петербургъ. Мы сначала шли пешкомъ до Вытегры, а тамъ до Вознесенья на трешкотъ, а отъ Вознесенья насъ привезли на буксирномъ пароходѣ безплатно. У меня здѣсь уже жила одна сестра старшая Принья, и мы пришли къ ней. Сначала съ нами было еще 4 сосѣда нашей деревни. Горько было мнѣ разставаться съ родной деревней, но пришлось уйти на чужую сторону. И вотъ, когда у сестры переночевали ночь, а на другую ужъ насъ не пустили, то пришлось жить на баркахъ, и, по рекомендаціи одного земляка, поступилъ я на молочную ферму—молоко развозить за 15 руб. въ мѣсяць на всемъ на своемъ. И жить я 1 годъ, и форма закрылась, то я былъ безъ мѣста 3 мѣсяца и опять, по рекомендаціи земляка, поступилъ въ банн Торкачева въ 10-конечное отдѣленіе, въ подручные. И вотъ тутъ-то и начинается вся моя карьера. И, такой отъ роду трудолюбивей, сразу обратилъ на себя вниманіе старшихъ. И проживя такъ 5 лѣтъ, въ подручныхъ, я полюбилъ одну дѣвушку, прѣхавшую сюда жить. Жила всего одинъ годъ; у нея былъ дяди сначала старостой панихъ бань, а потомъ старшимъ дворникомъ; а по деревни мы разныхъ уѣздовъ, но недалеко, такъ какъ междуѣздная граница близко около насъ. Она все ходила къ дяди, и она мнѣ приглянулась, и мы полюбили другъ друга чистой пламенной любовью. Мнѣ тогда шло 19 годъ, а ей 17-й, и вотъ мы съ ней не встрѣтили препятствія къ супружеской жизни. Сошлись вмѣсто, повѣнчались въ 1904 году, 18 апрѣля. Послѣ моей свадьбы хозяйинъ меня поставилъ старостой 25-конечныхъ бань, и надо веѣми банями. И когда мы прожили въ супружеской жизни годъ, то мнѣ первый разъ пришлось отпроситься у хозяина съѣздить въ деревню. Какъ я радъ былъ,—вѣдь, ушолъ мальчишкомъ и 6 лѣтъ не былъ въ деревнѣ, да къ тому же еще женился. И не помнилъ подъ собою ногъ, когда я прѣхалъ въ свою родную деревню и къ родимому озѣрышку. И, переночевавъ 2 ночи дома, поѣхали къ ей матери за 30 верстъ отъ насъ. Мать ей вдова жила тоже бѣдно и не знала, что мы прѣдемъ, а когда мы прѣхали, такъ она съ радости заплакала, и я пожилъ мѣсяць времени и опять уѣхалъ въ Петербургъ съ женой и поступилъ опять старостою бань. И такъ длилась наша жизнь тихо и спокойно. Я характера хорошаго и жена тоже. Водки я мало употреблялъ, и такъ лѣтъ шесть назадъ я познакомился съ извѣстными трезвенниками брата Чурикова, и я сталъ посѣщать эти бесѣды. Каждое воскресенье ходилъ на Петровскій Островъ, и такъ на меня эти бесѣды благотворно подѣйствовали, что я будто перемѣнился. Я ходилъ года 3 туда да ходилъ бы и до сихъ поръ, если бы они были не запрещены. Я ничего худого не находилъ тамъ, и вотъ я собрался, еще разъ съѣздить въ деревню и построить себѣ новую избу. Лѣтъ у насъ дармовой, только платилъ за работу, и теперь уже опять не былъ 5 лѣтъ въ деревни, и семья моя теперь живетъ со мной. Семья большая: 5 человекъ дѣтей; Тани 9 лѣтъ.

Кити 7 лѣтъ, Коля 5 лѣтъ, Сережи 3 года и Анны 1 годъ. Жена моя Ольга—женщина характера смирнаго и кроткаго, такъ что у насъ въ теченіе 10 лѣтъ супружеской жизни никогда не было ссоры. Только что обремененна семейою большою, да старикъ мой отецъ живъ; живеть въ деревнѣ, ему посылую и семью содержу. Но зарабатываю сравнительно мало, 30 руб. на мѣсяць выгоняю, а жалованья отъ хозяина совѣтъ не получаемъ, а живемъ артелью. Доходами пользуемся отъ посѣтите той бани; всѣ баньщики дѣлятъ все поровну между собой. Но всѣхъ бань работа наша тяжелая; въ небанные дни нужно носить грязныя дрова на плечахъ, что я и по сіе время дѣлаю, т. е. ношу вмѣстѣ дрова съ баньщиками на плечахъ. Но у меня явилась поэтическая муза, и я сталъ писать кое-что, и у меня такъ складно все выходило, такъ что многіе посѣщающіе нашу баню заинтересовались мною и читали мои сочиненія, и всѣ одобрили. И теперь я нѣкоторые печатаю въ газетахъ, а осенью прошлаго года мнѣ пришла мысль описать обряды свадьбы вашей мѣстности, что и выполнить блестяще, и думаю еще собирать кое-что, когда поѣду лѣтомъ въ деревню. У меня такой излишекъ наплывъ чувствъ и охота къ писанію, иногда сижу ночами, пишу все что-нибудь, и я теперь все живу въ баняхъ Торкачева по Екатерининскому пр., д. № 117, кв. 29. Уже прожилъ 15 лѣтъ у одного хозяина и работаю по старому; таскаю грязныя дрова съ барки, хотя уже и не по моей силѣ, потому что я уже сталъ малокровный и блѣдный, какъ и всѣ баньщики, а спиртныхъ напитковъ совѣтъ не употребляю и ни въ какихъ тижбахъ никогда не былъ, а живу, хотя блѣдно, но честно. На томъ моя вся идея, люблю всегда правду; тѣмъ и заканчиваю свою биографію. Съ совершеннымъ почтеніемъ Иванъ Васильевичъ Колобовъ.

1911 года 2 апрѣля.

Село Корбозерское лежитъ въ далѣкой окрестности Пудожскаго уѣзда и граничитъ съ Каргопольскимъ уѣздомъ. Населенія всей волости 700 ревизскихъ душъ. Населенное исключительно великороссами и православнаго вѣроисповѣданія, то и бракъ считается только по православному обряду; другихъ народностей никакихъ нѣтъ. На широкое разстояніи деревни этой волости раскинуты, какая за 10-ть верстъ, а есть даже и за 20 верстъ и дальше. Но обрядъ свадебный и обычай сохранились одинаково во всѣхъ деревняхъ, такъ какъ село Корбозеро и другія села и близлежація деревни отстоятъ на далекомъ разстояніи отъ желѣзной дороги; близлежащая станція—170 в., а отъ пристани пароходной на Онежскомъ озерѣ—100 верстъ. Село находится въ кругу озеръ, рѣкъ и дремучихъ лѣсовъ, и болотъ; населеніе рѣдкое. До другихъ волостей верстъ по 25 и больше бываетъ, и вотъ, чѣмъ прежде писать свадебный обрядъ той мѣстности, то я сначала познакомлю читателя съ обычаями, предшествующими къ заключенію законнаго брака.

1-е, то, что сближаетъ молодыхъ людей, то это вечеринка, для которой дѣвушки еще лѣтомъ подыскиваютъ такую избу, обязательно курную (не лишнимъ скажу, что въ этой мѣстности много еще сохранилось курныхъ избъ), то дѣвушки поряжаютъ ходить съ Покрова до Великаго поста. И за это дѣвушки обязаны домохозяину вечеринки скопить нѣсколько пожѣвъ или выжать хлѣбъ на полѣ, и кромѣ того дѣвушки обязаны, когда идутъ на вечеринку, нести обязательно 1 полѣно дровъ, такъ что домохозяину на цѣлую истопку на день принесутъ; приблизительно дѣвушекъ съ трехъ деревней собирается 30—35 человекъ; и еще дѣвушки обязаны каждое воскресенье приносить домохозяину воскресное, т. е. хлѣбъ—стряпня сладкая, и каждую субботу раздѣлено по деревенно мыть полъ (въ субботу на вечеринку не собираются). деревни расположены на двухъ верстахъ, а собираются все въ одну избу на вечеринку, и тѣмъ дѣвушекъ обязанность кончается. Хозяинъ избы вечеринки обязанъ шепать лучину и во время вечеринки долженъ зажигать и пережигать лучину: лучина горитъ въ свѣтцѣ (особый такой столикъ съ желѣзнымъ щипцомъ), а молоды обязаны при начинаніи вечеринки сложить хозяину по 5 коп. съ лица, а также и въ большіе праздники и въ конецъ тоже по 5 коп., а больше другой обязанности за парнями нѣтъ.

Какъ свадьбы принято играть въ той мѣстности съ Крещенья по Масляную (все больше въ эту часть года играютъ свадьбы, а въ другое время года очень мало, даже совсѣмъ нѣтъ), то еще устраивается такъ называемая гоуба. Это въ родѣ смотринны невѣсты. Гоуба начинается такъ. Погодно, въ одинъ годъ одна деревня справляетъ на другой годъ другая и такъ далѣе, по всей волости начинается гоуба съ 4-го дня послѣ Рождества Христова и до кануна Крещенья; если въ которой деревни гоуба, то на это время дѣвушки другихъ деревень съѣзжаются туда на цѣлую недѣлю, конечно, забравъ съ собою все лучшія платья; и у подругъ и живутъ, и ночуютъ, и вмѣстѣ все ходятъ днемъ по деревни съ пѣснями рядами, а вечеромъ самокрутками или ряжеными; конечно, одѣваются ряжеными въ хорошія платья и только на лицо накидываютъ платокъ, чтобы лица не видно было, и ходятъ по избамъ сосѣдей и играютъ ланцой или кадрилию, конечно, подъ гармонику. Молодцы прѣзжаются и издалека, и изъ своихъ деревень, но только не ночуютъ, а уѣзжаютъ въ тотъ же день домой; то какъ который парень вздумаетъ жениться, то и намѣчаетъ себѣ невѣсту, но больше всего молодые люди сходятся на вечеринки. Дѣвушки тамъ придутъ прыжуху, а парни ходятъ такъ, и который парень полюбитъ дѣвушку, то и садится къ ней за прыжку на колѣни, и безъ всякаго стыда, немного отвернувшись къ стѣнѣ и закрывъ рукой, цѣлуются за губу; иногда парень сидитъ годъ или два, даже и по 3 года; и дѣвушку, бываетъ, насильно выдаютъ за другого родственника; хотя мало теперь стало отдаванія насильно, но еще есть и такіе

случаи, что приневоливаютъ, и женихъ женится на той дѣвушкѣ, которую родители хотятъ. А что касается—которую хочетъ взять женихъ по любви, но и это уже стало выводиться; больше женится и выходятъ по желанію, но есть еще и приневоливаніе по житію: одинъ богатый, а другой бѣдный, то значить намъ не ровня, и всяко поносить родные богатыхъ семействъ бѣдную семью, хотя бы это было со стороны жениха или невѣсты. Бракъ допускается въ 3-й степени родства и такъ далѣе. Гражданскаго брака совѣтъ не признаютъ; только есть тайныя сношенія, такъ и то все надъ тѣми людьми смѣются. Еще свадебному обряду вѣдь нужны деньги, то есть такіе заработки по вывозкѣ бревенъ или дровъ изъ казенныхъ дачъ на славянскія рѣки отъ подрядчиковъ, обыкновенно въ Филипповъ постъ до Рождества. И парень, который думаетъ жениться, обыкновенно самъ никогда не заговорить объ этомъ, а все больше объ этомъ заботится мать или отецъ, если ихъ нѣтъ, то другіе родственники: братья, сестры, тетки, дяди; но только мало когда самъ женихъ вздумаетъ. И вотъ теперь я буду описывать, какъ ведется переговоры отца, матери или другихъ, и далѣе сватовство, и пѣсни, причеты, обычай во время свадебнаго обряда, и прочее, что происходитъ во время церемоніи брака.

Жениху, которому нужно жениться, то мать первая всегда заговорить къ отцу: „а што, отецъ, у нашъ Егорушко-то ходитъ? вѣдь время *жнитца*, денегъ заработал, до *цѣго* ищѣ станеть ходитъ? Время тое пришло отъ Крещеня до масленицы все будутъ свадьбы. Ужъ, Егорушко, надо *жнитца*: што ты, Егорко, скажешь?“ Тутъ же и отецъ вмѣшивается въ разговоръ, а женихъ въ это время молчитъ. Мать овить: „што, Егорко, думать-то? Надо што-нибудь дѣлать; погулять да и будѣ, надоть подумать о будущемъ, а то *заходиши*, тогда *тебя* и *ни* женишь, *избалуйши*, *ништо* изъ *тебя* *ни* будѣтъ?“ И отецъ приведетъ примѣръ, какъ онъ молодою женился и какъ хорошо жить, дѣтей вырастить; и примѣръ приведетъ какого-нибудь сосѣда, что *старой* женился. И эгимъ совѣтнымъ уговоромъ съ матерью склоплютъ сына на согласіе. Обыкновенно женихъ скажетъ: „ну што—*жнитца!*“ И опять отецъ, мать или тетки, дяди говорить ему: „а гдѣ твои невѣста, покажи и скажи, *къ* она *доца?*“ Женихъ называетъ имя невѣсты и ея отца и деревню. То родители опять говорятъ: „иди, придеши намъ залогъ, а безъ залогу *свататца* не поидемъ“. Какъ ты знаешь, время разговора происходитъ, чтобы никто не зналъ. Женихъ и въ тотъ день идетъ на вечеринку, и садится къ своей невѣстѣ на колышн, и тихонько начинаетъ говорить ей: „ты што *умомъ-то* *думашь*, вѣдь я *хочю* *жнитца*? Поидешь ли *нѣтъ* ты за *меня* замужъ?“ А невѣста начнѣтъ кривляться: што ты *меня* *ни* возьмешь, да *луцыши* найдѣшь *меня*. А женихъ все уговариваетъ тихонько: „да полно *тебѣ* *ломатца-то*; если бы я *ни* хотѣлъ взять *тебя*, то и *ни* пришелъ бы къ *тебѣ!*“. Разговоръ идетъ все время шопотомъ, и въ концѣ концовъ

женихъ уговоритъ невѣсту, и проситъ у ней залогъ. Это обязательно должно быть. Когда уходятъ съ вечеринки, то невѣста тайкомъ изъ дому выноситъ залогъ, преимущественно хорошихъ 2 сарафана и нѣсколько платковъ. И съ этимъ залогомъ женихъ возвращается домой и подаётъ матери. Отецъ и мать обыкновенно оцѣниваютъ залогъ: „што намъ, если дѣло не станетъ, то за подводу будётъ!“ На второй день созываютъ кресного жениха; если нѣтъ, то кого-нибудь изъ родственниковъ. А только обязательно долженъ быть кресной или, какъ называютъ, *тысяцкой*. Онъ же и всѣмъ дѣломъ воротитъ. И все это дѣло ведутъ тихо, чтобы другіе не знали, пока не сосватаются. А сватовство происходитъ обыкновенно вечеромъ. Кресной отецъ и еще берутъ одного родственника. Если далеко, то ѣдутъ на лошади, а близко, то пѣшкомъ. Обязательно одѣваютъ бараньи тулупы дубяные, непокрытые сукномъ. И идутъ въ домъ невѣсты, и когда входятъ, то молятся Богу, проходятъ на лавку, ничего ни говоря, садятся вдоль матицы; и потомъ кряду всѣ встаютъ и отдають поклонъ семь невѣсты. А невѣста обыкновенно уходитъ на вечеринку. И начинаетъ говорить отецъ жениха: „вотъ, Павелъ Николаевичъ, и Принья Федотовна, у насъ съ женщинокъ,—Егоръ Михайловичъ, а у васъ есть невѣстка—Парасковья Павловна, нельзя-ли по Божьему суду, да вмѣсто скласс!“ И три раза кланяются всѣ трое. Родители жениха говорятъ на отвѣтъ: „Спасибо намъ на добрыхъ *рицяхъ* и на посканьи. Пожалостя, садитесь на мѣсто!“ И спрашиваютъ сватовъ: „какъ вы къ намъ попали: конёмъ или пѣшкомъ?“ Если на конѣ, то родные невѣсты уберутъ коня во дворъ. И дальше идутъ разговоры такого рода. Отецъ жениха говоритъ, называетъ по имени и отчеству отца и мать невѣсты: „Отдайте дочку-то; за моего сына ей выйти можно, и у насъ жить можно. Мы думаемъ отъ себя, што нашъ женихъ стоитъ вашей невѣсты, а вы какъ думаете по вашему?“ Отвѣчаютъ родители невѣсты: „что какъ не стоитъ, ужъ стоитъ и можно идти; да какъ она, я приниживать не стану. Да она у насъ мало кружна, да и молода, много по крестьянству не знаетъ“, и такъ далѣе, для того чтобы въ родѣ себя не унижить передъ сватами. И говорятъ много промежъ собой со сватами. А сваты говорятъ: „намъ не покруты нужни, а *целовѣкъ*, а *цѣто* если и не малтаётъ, то свекровь подуцитъ. Въ это время мать идетъ или братъ невѣсты на вечеринку и тихонько зовётъ домой невѣсту. Тогда невѣста беретъ прялку, встаётъ посреди избы, перекрестится на образъ и отвѣситъ низко-ниже въ поясъ на всѣ стороны избы поклоны, и прощается съ дѣвушками и въ распѣвъ:

„Спасибо, дѣвушки-подруженьки!
 На вольной на *вицѣроцьки*
 Видно время *раставати*
 Съ молодостью *дѣвицѣей!*“

И уходитъ домой. Тогда только народъ узнаеть, что сваты пришли. Когда невѣста приходитъ домой, то уходитъ отдѣльно въ другую половину или въ кѣть и говоритъ: „Ну што, невѣста, ты пойдешь или нѣтъ? Или приказывай, или отказывай. Што людей-то томить и волоцить зоря“. Невѣста говоритъ: „я, батюшко, твоя и воля твоя, то вѣдашь ты“. Родители говорятъ: „мы тебя насилу отдавать не станемъ, а то постѣ насъ укорить станѣшь, што я тебя отдать. Но а если идти думно, то скажи, а если недумно, то откажи“. Невѣста постѣ этого спрашиваетъ родителей, что можно-ли идти. Родители говорятъ: то вѣдашь ты, дитятко; идти можно, по мы тебя не гонимъ. Гляди и суди по своимъ жанихамъ, если съ лучьши, то этихъ можно и отказать, а если пойдешь, то иди съ Богомъ. Держать не станемъ и посылать не станемъ“. И постѣ этого все уходитъ опять въ избу. А сваты опять съ вопросомъ, по имени и отчеству назовуть отца и мать невѣсты: „давайте-ка дѣла-то ни холодити, надо дѣло дѣлать, идти можно“. А женихъ въ это время тоже приходитъ туда и съ невѣстой въ углу шенчутся. Женихъ её уговариваетъ идти за него замужъ. А сваты все своё говорятъ: „у насъ женихъ хорошій, и житье у насъ хорошее“. Постѣ этого родители невѣсты опять спрашиваютъ её: „Ну што, невѣста, думаешь? ужь не томи, или приказывай, или отказывай!“ И женихъ еще пуше уговариваетъ, и наконецъ собьютъ. Невѣста соглашается и вѣстаетъ, идѣть къ отцу, и падаетъ ему въ ноги, при этомъ говоритъ: „батюшко, миѣ Богъ судилъ, отдавай!“ То отецъ говоритъ: „съ Богомъ, дитя, Господь благословить!“ А въ это время сваты просятъ опять залогъ. Невѣста приноситъ залогъ опять: сарафаны и платовья, и подаѣтъ отцу; а отецъ отдаетъ сватамъ и говоритъ имъ: „сватушко, и съ насъ тоже надо залогъ!“ Тогда отецъ жениха,—обязательно должна быть золотая: или пять рублей, или десять,—подаѣтъ отцу невѣсты. И постѣ этого ставить самоваръ, приносятъ крендели и бутылку вина, и пьютъ чай сваты, а женихъ съ невѣстой въ углу сидятъ и шенчутся, а отецъ жениха нальетъ рюмки и потцуетъ отца, мать и другихъ родственниковъ невѣсты, говоритъ при этомъ: „пу-ко, сватушко, вынѣмъ на здоровье, тогда веселье дѣло-то будетъ дѣлать и веселье будемъ свадьбу играть“. Тогда все берутъ по рюмкѣ, чокаются, желаютъ здоровья жениху и невѣсты, и жить въ любви и согласии. И потомъ напились чаю, закусили, выходятъ изъ-за стола, молятся Богу, благодарить родныхъ невѣсты, одѣваются и на походѣ сватъ говоритъ: „ну, сватушко, благодаримъ покорно, просимъ впередъ не оставитъ, ужь мы прѣдемъ завтра вечеркомъ свататни“. Родители невѣсты говорятъ свату: „просимъ милости!“, а сами въ поязь кланяются. И сваты уходитъ домой. Это называется еще дѣло первѣщенное, и посторонняя публика не выпускается зъ избу, а это называется—защинули дѣло, т. е. подготовили къ сватанью слѣдующаго дня. Ужь на другой день сватовство поидеть формальное—все под-

готовлено. Собираются уже для сватанья къ жениху 6 человекъ: кресной отецъ и другіе четверо изъ родственниковъ жениха. Одѣваются опять тулупы, и на этотъ разъ хотя близко или далеко—все равно запрягаютъ коня, и берутъ съ собою колокольчикъ: если сосватаются, то тамъ привяжутъ къ дугѣ и ужь съ колокольчикомъ поѣдутъ домой по деревнямъ, чтобы все знали, что сосватались. Вотъ когда сваты входятъ въ домъ невесты, то кресной обращается: „что нельзя-ли убраться лошадей?“ Молятся все Богу, и женихъ съ ними. Сваты проходятъ, садятся опять на лавку вдоль матицы; а женихъ уходитъ въ уголъ къ невестѣ; а сваты встаютъ и отдають поклонъ, ничего не говоря. Въ это время набирается народу полная изба: и старые старики, и мужики, бабы, дѣвки, парни и даже маленькіе ребята кто на печь заберется, кто на полати, кто на лавкахъ сидитъ, а кто стоитъ. А сваты должны каждому входящему встать все шестеро и отдать поклонъ. Это ужь форменное сватовство. И отецъ жениха опять заговоритъ къ родителямъ невесты, называетъ ихъ по имени и отчеству: „мы пришли о старомъ дѣлѣ, о сватовствѣ. У насъ есть женишокъ—Горь Михайловичъ, а у васъ есть невестушка—Парасковья Павловна, нельзя-ли ихъ по Божьему суду да вмѣсто склать“, и низко кланяются все шестеро; а отецъ невесты подходитъ къ сватамъ, и здоровается съ ними по рукамъ, и говоритъ: „спасибо, што не обонили!“ А свать опять говоритъ: „ну-ко, сватушко, нужно дѣло дѣлать, ато у васъ породовая, то собирайте на думу, подумайте, посовѣтуйтесь все: а што намъ время провожать здри, ужь заведено дѣло—то надо додѣлывать“. Послѣ этого собирается дума—все родственники невесты, дяди, тетки и такъ далье; иногда человекъ 20 придетъ. Дума—это ужь обязательный обычай. Уходятъ все въ особую горницу на думу, разсядутся по лавкамъ, по скамейкамъ, а ужь обязательно чтобы нужно сидѣть, и сидятъ все, молчатъ минутъ пять. И тогда мать невесты заговоритъ къ присутствующимъ теткамъ и дядьямъ, въ этомъ числѣ должна обязательно кресна (божатка): „ну, што дяди, тетки, божатка, што намъ дѣлать, какъ тутъ быть, што отдавать али нѣтъ, какъ вы посудите?“ Тутъ нѣкоторыя теткы говорятъ: „это воля ваша, смотрите по жениху, а наше дѣло на готово ѣхать“. Въ это время созываютъ на думу невесту, и все спрашиваютъ ей: „ну што, Парасковья, ты сама думаешь, идти замужъ тебѣ за этого вѣра, али не вѣра идти? Али можетъ другой есь?“ Въ это время невеста имъ отвѣтитъ: „у меня другихъ жениховъ нѣтъ“. И вотъ послѣ этого еще кое-что потолкуютъ и совѣтуются, что вырядить нужно и самимъ подарить. И рѣшаются на томъ, что съ невестинной стороны обыкновенно дарятся породовой жениха рубахи мужскія и женскія, такъ, приблизительно, штукъ 20 рубахъ, а за невесту со свата выряжаютъ деньгами, смотря какая свадьба, и по 5 руб. и до 50 рублей берутъ за невесту; и выряжаются хлибины. Послѣ вѣнца на другой или третій день, съ которой стороны

срядятся—туда и соберутся. Послѣ этого всѣ опять входятъ въ избу. Отецъ невесты беретъ свѣчку и ставитъ передъ иконою, и зажигаетъ: если поблизости церкви деревня, то приглашаютъ священника, а если далеко, то сами одни присутствующіе всѣ въ избѣ встаютъ и запѣваютъ: „Достойно есть яко во истину“... и до конца поютъ протяжно и плаченно. Когда молитва окончена, то сватовья всѣ подходятъ другъ къ другу и изгибами локтей зацѣпляютъ другъ друга, и тогда всѣ сватовья садятся за столъ. Обыкновенно всегда привозится съ собой четвертая вина, и свать, отецъ жениха, наливаетъ рюмки и всѣхъ потчуетъ рождественниковъ невесты. И тутъ же сидятъ женихъ, и они пьютъ чай съ кренделями, и пьютъ вино. И сваты, какъ только пропѣли „достойно“, то больше не кланяются, а сидятъ-угощаются всѣ вмѣстѣ. И отецъ, мать, братья, дяди невесты—всѣ угощаются и пьютъ вино; безъ вина свадьбы играть не принято; чѣмъ больше вина на свадьбѣ, тѣмъ, значитъ, пышнѣе и форсестѣе свадьба. Въ время просватанья, когда пропеютъ „достойно есть“, то обычай такой, что невеста должна подойти къ иконамъ и погасить свѣчку сама (это обозначаетъ, что дѣвичью волю погасила она по доброй волѣ сама). И когда погаситъ свѣчку, то беретъ платокъ въ руки и идетъ въ уголокъ напротивъ печи, и начинаетъ плакать, выть и причитывать. Если сама знаетъ, то сама причитаетъ, а если не умѣетъ, то ужъ свозаранья приглашаются причитальницы, какъ ихъ тамъ называютъ плакальницами. Причитываютъ заунывно-бѣдственно и протяжно. И невеста плачетъ, смотря по причитанью, но больше невесты сами причитаютъ. Послѣ просватанья причитаетъ и плачетъ громко, громко, заламывая руки съ платкомъ въ рукахъ. И вотъ тѣ причитанія я опишу дальше. Къ ряду послѣ погашенія свѣчи начинается невеста причитывать и плакать. Но какъ въ этой мѣстности есть церковь, два престола: одинъ престоль—Покрову Богородицы, а другой—Николаю Чудотворцу, то и причеты начинаются съ этого.

„Какъ у Николи у угодника
Какъ не въ колоколь ударилъ,
А у Покрова да Богородицы
Не къ обѣднѣ затрезвонили,
Да мою волю подневолили
И головушку да обзаботили.
Да я сидѣла, красна дѣвушка,
На брусовой бѣлой лавоцкѣ
Поль косицятымъ оконщичкомъ.
Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошнѣхонько!
У моего кормильця батюшка,
Но сегодняшнему денечку,
Во цесьномъ да во большемъ углу,

Да за столами за дубовыми
Сидять гости незнакомые—
Всё купци сидять торговые,
Али скотины закупатели.
Ужь я сама да знаю, вѣдаю—
Не гости купци торговые,
И не скотины закупатели,
Моей воли загубатели.
Ужь я душа, да красна дѣвушка,
Да што сидѣла, красна дѣвушка,
Подъ косицѣнымъ оконницѣкомъ,
Да я за пѣлами тоцѣными;
Шила узорами мудрѣными.
Ужь я шила волю золотомъ,
Расшивала волю серебромъ
И рассадила скатнымъ жемцѣюгомъ.
Прилетали ко мнѣ, дѣвушкѣ,
Двѣ птицѣки, да двѣ пташицѣки:
Орѣль-птицѣка ревуцѣя,
Соловей-птицѣка свистуцѣя.
Да орѣль-птицѣка накрикивалъ,
А соловей да выговаривалъ:
„Ты душа, да красна дѣвушка,
Ты не шей-ко волю золотомъ,
Да не расшивай да волю серебромъ,
Да не сади-ко скатнымъ жемцѣюгомъ“.
Ужь не посмѣла, красна дѣвушка,
Поглядѣть на свою волюшку;
Ужь скоро волю подпеволили
И мою головушку обзаботили.
Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошнешинько!
Я цѣго порою поразсидѣласи,
Я на што поразглядѣласи?
На широкую на улицу,
Да на почтовую дорожиньку,
Да на сады да на зеленые
И на яблѣцѣки медовыи.
Да мнѣ сидитъ не отсидитися,
Со стѣной думы не выдумать,
Запотаи да словъ не выбанить,
И за рукавъ да слѣзъ не выронить,
Да видно быть да пристыдитися
И принародно прослеанитися.
Ужь мнѣ стѣнушка—не думщиця

И коробеина—не совѣтница,
А мнѣ совѣтъ да дума крѣпкая—
Да жалостливъ кормилецъ батюшко,
Да доброта желанна матушка.
Ужъ вы отстаньте, свѣтлы платиця,
Да отъ брусовой бѣлой лавоцки,
А шолковы косоплѣтоцки
Отъ косицята окошницка“.

Изъ этой пѣсни невѣста опѣваешь свою волю, какъ она волю украсила и золотомъ, и серебромъ, и жемчугомъ. Она примѣняетъ свое просвѣтѣнство къ колокольному звону и трезвону. Ужъ такъ ей обидно, что ея волю подневольили. И опѣваешь сваговъ, что они—гости незнакомые, и куницы торговые, скотинны закунатели. Но дальше ужъ говорить, что они—не куницы, никто другой, а ея воли погубители. И въ этой пѣсни приводитъ сказочныхъ птицъ, что къ ней прилетали. Орелъ и соловей не велѣли ей не украшать воли, не разорить отца, но она ихъ не послушала. И дальше она опѣваешь, что она въ задумчивости застѣлась и разглядѣлась на дорожничку, и на сады, и на яблочки. И дальше опѣваешь, что ей все равно не отстѣться и тайно всѣхъ словъ не высказать, что есть у ней дума крѣпкая: отецъ, мать и другіе родственники, жалостливые и добрые, что ей худого не пожелають. То она и говорить, что ей со стѣнной думи не выдумать и ей никто не совѣтницъ. Послѣ этого невѣста все сидѣла на лавкѣ въ углу и плакала, а теперь просить платица и косоплѣточки отстать отъ лавочки и окошечка. И вѣстаетъ на ноги и дальше причитаетъ, также плачетъ. Около ей находятя больше бабы, и тоже нѣкоторыя тихонько плачутъ. А главное родственники, а сваты за столомъ сидятъ и угощаютъ виномъ стариковъ, мужиковъ и всѣхъ, кто находится въ избѣ, и женихъ тоже за столомъ. А невѣста продолжаетъ все плакать и причитать.

Уже стоя съ платкомъ въ рукахъ—голова голая, ничѣмъ не покрыта—продолжаетъ причитать.

„Ужъ мнѣ помытатъ было, бѣднушкѣ,
Со брусовой бѣлой лавоцки
Да на рѣзвиз на пожнички
И на сапожнички козловия,
На закаблудки да на строцныя,
На гвоздоцки шоломцятые,
На цолоцки на бумажныя.
У меня, у красной дѣвущкѣ,
Отъ сапожковъ ножки домятся,
Отъ гвоздоцковъ ножки колются

А отъ цюлоцьковъ ножки топяся.
Ужъ пойти-ка миѣ, невольницѣ,
Изъ прилуба запиреного
Изъ цюлана заклоцѣного.
Спасибо, малое безлюдницѣ
И тихое уюгонницѣ,
Ужъ збиригало меня, дѣвушку,
Отъ лѣтняго прохожаго
И отъ зимняго проѣждяго.
Миѣ пойти было, невольницѣ,
Да во высоку нову горенку,
Да во палату сановитую“.

Послѣ этой пѣсни невѣста подходитъ къ печи и продолжая плакать и причитать:

„Призавернуть миѣ, красной дѣвушкѣ,
Да къ кирпичной бѣлой печьки
И къ муравцяту жаратоцьку.
Да ты скажи-тко, печь кирпичная,
Кто огню былъ выдувателемъ,
Да кто свѣци былъ зажигателемъ?
Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошненишко!
Миѣ не скажотъ печь кирпичная,
Кто огню былъ выдувателемъ,
А кто свѣци былъ зажигателемъ.
У моеи доброты матушки
Плотно печька призамазана
И крѣпко печьки приказано,
Кто огню былъ выдувателемъ,
А кто свѣци былъ зажигателемъ.
Гдѣ-то есть у мя, у дѣвушкѣ,
Старушки стародавни
И большушки старопрежни.
Кто огню былъ выдувателемъ,
А кто свѣци былъ зажигателемъ?
Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошненишко,
Души, да красной дѣвушки!
У моеи доброты матушки
Старушки стародавни
И большушки старопрежни—
Онѣ кваскомъ да призапосны
И пирогами призакормлены,
Миѣ не скажутъ, красной дѣвушкѣ,

Кто огню быть выдувателѣмъ,
А кто свѣци быть закигателѣмъ.
Охъ ти миѣ, миѣ-ка, побѣдиушкѣ!
Гдѣ-то есть у *моя*, у дѣвушки,
Да души, да красны дѣвушки
И подружки мои милыя.
Ужъ вы скажите, красны дѣвушки,
Кто огню быть выдувателѣмъ,
А кто свѣци быть закигателѣмъ?
Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошненишко!
Миѣ не скажутъ красны дѣвушки.
Да у моеи доброты матушки
Души да красны дѣвушки --
Они *къ*мъ призапоѣши
И кренделами призагорлены*.

Въ этой пьесѣ невеста благодаритъ всѣхъ, что ей *збиригали* огонь всего лихого. А будто бы находится въ незнаніи, что кто огонь доставать и свѣчку закигать. То она жалуется всё на мать, что она всѣхъ запоила и закармила и никто ей не хочетъ сказать, кто огонь выдувать и свѣчку закигать.

Продолжаетъ вопить и причитывать: выходи на средину избы, продолжайте:

„Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошненишко!
И сама да знаю, вѣдаю,
Кто огню быть выдувателѣмъ,
А кто свѣци быть закигателѣмъ.
Подасть сестра лучинушку,
Подаела ко миѣ кручинушку.
Выдувала огонь матушка,
А закигать да свѣчку братишко,
А по рукамъ ударить батюшко.
И порастроятесь, люди добрые,
Пораздвиньтесь, православные:
Женскои полъ да на праву руку,
А мужескои полъ да на лѣву руку.
А вы, старушки, во печьной уголь,
А старицки да во вѣрной уголь,
А красны дѣвушки по лавоцькамъ.
А молодницы по скамеецькамъ,
А плясать да на новы стни,
А пѣснь пѣть да на крылецошко,
А мяцовой игрой на улицу,

А въ картежну-ко сусѣдушку
Пропустите красну дѣвушку
Во цесно мѣсто большой уголь.
Во цесномъ мѣстѣ больномъ углу
За столами за дубовыми
Ужъ не два ворона слетаются,
Да не два волна съѣзжаются,
Ужъ тутъ два сватушка схожаются,
И родня у нихъ заводится.

Въ этой пѣснѣ невѣста все винитъ родителей и брата, сестру, что они подвели ея кручину. Отецъ невѣсты выходитъ изъ-за стола, а сваты также угощаются съ виномъ. А невѣста, подойди къ отцу, пала ему на плечо и сколько есть мочи плачетъ, обняла его за шею и причитаеть:

„Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошненишко!
Гдѣ-то есть мой жалостливъ кормилецъ. батюшко
И желаннице великое.
Ужъ ты послушай, красно солнышко,
Жалостливъ кормилецъ-батюшко,
Не ходи ты по повымъ синямъ рѣшотцятимъ,
Ужъ не ступай, желанный батюшко,
Ты во клѣтоцьку перерубоцькѣ
И въ замцѣну коробенцьку.
Ужъ не бери, желанный батюшко,
Ужъ во лѣву руку свѣцьку сальную,
А во праву руку да воску ярого.
Ужъ ты не ставь, желанный батюшко,
Передъ люднымъ да образомъ,
Да передъ мать да Богородицю.
Ужъ не давай правой ты руценьки
Злодѣю-свату большему.
Да какъ тотъ сватушко-злодѣюшко,
Онъ въ терему да поклоняется,
А въ сини выйдѣтъ похваляется:
Покорилъ отца я съ матерью,
Поклонилъ я красну дѣвушку.
Ужъ ты скажи, кормилецъ батюшко,
Ужъ я въ цѣмъ да провинилася,
Ужъ я въ цѣмъ да проступилася?
Ужъ я тебѣ была не трудница,
Да тебѣ я не работница?
Ужъ я поюцись и кормлюцись,

Одѣвающихся и обуваящихся
На *вицѣрку* отпускатися
И съ *вицѣрки* запускатися,
Рѣзвы ножки обуватися,
Бѣлы плечки одѣватися.
Или молодцы да принахвастали,
Красны дѣвки нуестоѣбшницы
Надо мной да наемѣлися?
Принаскуцало тебѣ, кормилецъ батюшко,
Про меня, цѣю красну дѣвушку.
Ужъ ты скажи, желанный батюшко,
Ты на што да принакнулся,
Ты на што да приобзарился?
Ты на доброе отечество,
На хорошо молодецество,
И на стоги перегодиныя,
Или на заѣвки *окацѣныя*,
Или на улѣтушокъ добрыхъ коней,
Или на платыця на цвѣтныя,
Али на золоту казну *уцѣтную*?
Ужъ у млада сына *отцѣкаго*,
Вѣкъ отечества не видано,
И молодецтва не слыхано,
Иѣту стоговъ перегоди*ныхъ*
И заѣковъ *окацѣныхъ*,
Иѣтъ улѣтушокъ добрыхъ коней
И золотой казны *уцѣтныя*.
Добры конюшки наѣмныя,
Золота казна заѣмная,
Цвѣтны платыця *прошонныя*.
Ужъ полати-тко ему, Господи,
Злодѣю-свату большему:
Ступень стунить нога сломить,
На другу стунить друга сломить,
А въ терему да пошатитися,
И головы съ плечъ отвалитися,
Ему въ кисель да задавитися,
А въ молоко да захлебнутися,
Ему въ дорѣжкахъ заблудитися,
А въ трюшкахъ замшатися,
А хомутамъ да рзорватися,
И саямъ да приломатися.
Охъ ти мѣѣ, мѣѣ-ка тошчешинько!
Ты жалостливъ, кормилецъ батюшко,

У тя всё ли были собраны
На совѣтъ да думу крѣпкую?
Ваша думушка *ця*совая,
А миѣ-ка жирушка вѣковая!
Я сама да то я вѣдаю,
Што не всё да были собрааны
На совѣтъ да думу крѣпкую.
У насъ нѣту братилка родимого,
Гдѣ же есть-то, красно солнышко,
Да родимой-то мой братилко?
Ты къ самому царю да батюшку
Ушоль на службу на военную.
Безъ тебя-то, мой ты братилко,
Меня въ неволюшку просватали“.

За все время этой пѣсни невѣста сильно, громко плачетъ и ви-
ситъ на шеѣ у отца; а причитываютъ вся плакальщицы. Изъ этой
пѣсни—невѣста сначала предостерегаетъ отца, а послѣ его укоряетъ,
что на что онъ пріобзарился, и вишитъ свата. И послѣ какъ видно,
что на думѣ брата не было, который въ солдатахъ. Ужъ очинь обид-
ливая эта пѣсня, рѣдко кто не плачетъ. Послѣ этой пѣсни невѣста
также подходитъ къ матери и тоже падетъ на плечо и сколько есть
мочи воить, а также и мать невѣсты. Мать захватила за шею обѣими
руками, и обѣ плачутъ громко, а причитальщицы поютъ:

„Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошнешишко!
Ужъ гдѣ-то есть моя доброта, желанна матушка,
Подойди-ко, красно солнышко,
Ты скажи, желанна матушка,
Да всё-ли были собраны
На совѣтъ да думу крѣпкую?
Ваша думушка *ця*совая,
А миѣ-ка жирушка вѣковая!“

Въ это время отъ имени матери поютъ причитальщицы такую
пѣсню:

„Ужъ я ни смію пріосмилиться,
Ни смію принакшнуться
На твои плечи томливыя.
Что сегодняшнему девичку
Сегодняго Господняго
Како диво здивовалося,
Како *цудо* сцудовалося.
Сидять гости незнакомые

Во цесномъ да во больномъ углу.
Они *цѣго* да дожидаются,
Да ни тебя-ли, красной дѣвущь.
Тебѣ *чѣго* да принаскуцкло
У твоего кормильца батюшка?
Мы ходили, красовались
По труднымъ работушкамъ,
По полямъ да по широкимъ,
Да по дугамъ да по зелѣнымъ—
Всѣ тобой да замѣнялся,
Гдѣ труднѣй была работушка*.

Въ этотъ пѣсни мать жадѣетъ свою дочь, что она у нихъ была работница хорошая, и уговариваетъ её, что ей понудило уходить отъ нихъ. Поесть этого расходится мать съ дочерью, и невѣста подходитъ къ брату.

Причитальщицы поють.

Невѣста также надаётъ на шею брату, сколько мочи есть плачеть.

Поють къ брату:

„Да ты скажи-тко, родной братишко,
Да всё ли были собраны
На совѣтъ да думу крѣпкую?
Ваша думушка *цѣсовая*,
А мнѣ-ка жирушка *вѣковая*!
Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошненишко!
Да я сама да знаю, вѣдаю
Да не всё да были собраны
Да на совѣтъ да думу крѣпкую*.

Невѣста вспоминаетъ кого-нибудь изъ близкихъ родственниковъ умершихъ и продолжаетъ дальше пѣть всё къ брату:

„Умѣ ты, братишко, ты—солнышко!
Я пошла, да красна дѣвущка,
Да во проклятое замужество
Цѣль-за твоей жены законныя,
Цѣль-за моей сестры богоданныя.
Я пошла, да красна дѣвущка,
Я во проклятое замужество.
Я всё ей да замѣнялася,
Всѣ ей да позвышалася.
Тебѣ спасибо, мой ты братишко,
Ты справиль красну дѣвущку
Да въ *несчастноѣ* замужество.

И не работы побоялася,
Да не дѣтей я испугалася,
И жила—красовалася,
У любимого у братишка
И работкой не загружена,
И за волюшку не ругана
И не боялася я, бѣдная,
И твоей жоны законныя,
А моей сестрицы милая,
Была первая заступница—
Твоя жона законная.
Ты скажи-тко, братецъ-солнышко,
Про чужу дальню сторонушку.
И теперь-то спохватилася,
И цѣго поторопилася!

Въ этой пѣснѣ невѣста жалуется брату сначала на его жену, а послѣ еѣ хвалить и его, что еѣ жилось хорошо у нихъ, и жалуется ему, что скоро она поторопилася замужъ. Послѣ брата женатого, невѣсту подводитъ къ сестрѣ-дѣвушкѣ; тоже невѣста бросается на шею; обѣ плачутъ. А дальше причитальницы поютъ:

„Да ты скажи-тко ты, сестричишка,
Да все ли были собраны
На совѣтъ да думу крѣпкую?
Ваша думушка цѣсовая,
А миѣ-ка жирушка вѣковая!
Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошненишко!
Да я сама да знаю, вѣдаю.
Ты, родимая сестричишка,
Ужъ ты гдѣ, подружка милая,
Гдѣ ты ходишь и туляси
И на глаза миѣ не являси?
Ужъ мы жили-красовалися
По бесѣдушкамъ по раннимъ,
И по вѣдроцкамъ по позднимъ,
И по работушкамъ по труднымъ,
По годовымъ да по праздницкамъ—
Все ходили, красовалися,
Какъ съ тобой, сестриця милая!
Ужъ вспоминай-ка меня, бѣдиушку,
Да у тяжелой у работушки,
У весѣлыхъ гуляньцяхъ.
Вспоминай-ка меня, бѣдиушку,

Подневольну красну дѣвушку.
И ни тебя я побоялася,
И ни тебя я испугалася,
Да я пошла, да красна дѣвушка,
Во проклятое замужество.
Я теперь да спохватилася,
Я *цѣго* поторопилася“.

Въ этой пѣсни невеста неясаетъ сестрѣ, а послѣ еѣ хвалить, что вездѣ онѣ были вмѣстѣ, и проситъ сестру вспоминать. И послѣ сестры невеста еще подходитъ къ спохѣ и тоже надѣгъ на шею. Обѣ плачуть; а причитальщицы поють:

„Ужъ скажи-тко мнѣ, сестрица богодамая,
Да вѣ-ли были у насъ собраны
Да на совѣтъ да думу крѣпкую?
Ваша думушка *цяс*овая,
А мнѣ-ка жирушка вѣковая!
Да ты, сестрица богодамая,
Ты скажи-ка мнѣ-ка, бѣдуникѣ,
Про чуку дальню сторонушку,
Какъ ты жила-обживалася
У богоданиныхъ родителей
И кругъ кого да обвивалася?
Ужъ, богодамая сестрицишка,
Ужъ ни тебе я побоялася
И ни тебе я испугалася,
Да я пошла, да красна дѣвушка,
Да во проклятое замужество.
Я теперь да спохватилася
И для *цѣго* поторопилася“.

Послѣ этой пѣсни поють уже отъ имени спохи. Спиха еѣ рассказываетъ про замужество, потому что невеста еѣ спрашивала. Въ этой пѣсни обѣ плачуть также, а причитальщицы поють:

„Ужъ ты, подружка моя милая,
Да на *цож*ой да на сторонушкѣ
Надо сплунка зивѣриная,
Могота да лошадиная,
Поскокѣ да сѣра заюшка.
Поворогѣ да горностаюшка.
Да на *цож*ой да на сторонушки
Весело жить не смѣятися,
Крушно жить да не плакати.

А ты по лавкамъ не посиживай,
 И въ окошко не поглядывай,
 И подружкамъ своимъ милымъ
 Про богоданныхъ не рассказывай.
 Тихо ходишь да лѣнилася,
 Круто ходишь заспѣшилася.
 А въ цюжой дальней сторонущи
 Есть полоцьки высокія
 И латоцьки глубокіе.

Въ этой пѣснѣ сноха рассказываетъ невѣстѣ про замужнюю жизнь: всюду надо быть скорой и аккуратной, а то никакъ не потрафишь родственникамъ жениха. И послѣ, какъ у снохи заплакала, то если еще есть кто-нибудь изъ родственниковъ—поплачетъ, и попричитаютъ про думу крѣпкую, и тѣмъ кончается этотъ вечеръ. Сваты встаютъ изъ-за стола уже здорово подвыпивши. Народу не убываетъ. Сваты молятся Богу, благодарятъ родителей невѣсты, уговариваются, когда завтра съ поѣздомъ прѣхать, и выходятъ изъ избы, привязываютъ къ дугѣ колокольчикъ и ѣдутъ домой, веселые, во всю прыть лошадей. Уходятъ также и всѣ присутствующіе изъ избы. Остаются подружки невѣсты, и она ихъ угощаетъ чаемъ съ кренделями. Въ это время, поетъ чаю, дѣвушки и невѣста танцуютъ подъ пѣсню. Играютъ больше кадрили или ланцой. Поютъ пѣсню подъ ланцу.

1-я игра-пѣснь такая:

„Ой, нашъ хозяинъ наципаеть:

Сини новыя мои,
 Сини новыя кленовыя,
 Рѣшотцятыя.
 Ужь какъ миѣ, миѣ-ка, по синичькамъ
 Не хаживати,
 Миѣ мила дружка за руцьку
 Не важивати.
 Хомя важивати,
 Да ни цолаивати.
 Я не слухала отця,
 Спотѣшала молодця.
 Я за то его спотѣшу:
 Одинъ у отця,
 Одинъ Ваня у отця,
 Однокое дитя,
 Однокое бажоцо,
 Зовуть Ванюшкою,
 Зовуть Ванюшкою—

Пивоварюшкою.
 Ваня вино варить,
 Зелено вино курить,
 Зелено вино курить,
 Намъ, дѣвицямъ, говорить:
 „Вы пожалуйте, дѣвицы,
 На поварину мою,
 На поварину мою,
 Я донына напою.
 Для чего я напою,
 Што расхоронюю люблю,
 Расхоронюю, баску,
 Деревельску щегольску,
 Деревельску щегольску,
 Словно витирьску-ямску,
 Дѣвка съ парнемъ ни зговорить.
 На словахъ его проводить.
 У дѣвицы-красовицы
 Разгорѣтся лицѣ,
 Ужъ горить, горить лицѣ,
 Какъ огонь горитъ .

И такъ играютъ 7 фигуръ по вѣсямъ, которыя я опишу въ концѣ свадьбы, когда тоже играютъ и поютъ. Послеъ всего описаннаго, всѣ расходятся по домамъ.

На второй день послеъ просватанства, т. е. въ день свадьбы, у жениха съ утра собирается его породовая. Вѣдигъ зовутъ женихъ для поѣзда. И также женихъ ѣдетъ къ священнику благословиться и срядиться съ нимъ за вѣнецъ. А послеъ того ѣдетъ прогуляться съ друзьями по деревни. Конечно, дуга наукрашена и съ колокольчикомъ. Женихъ ѣдигъ безъ шапки и каждому встрѣчному долженъ поклониться, а какъ время наступитъ ѣхать съ поѣздомъ къ невѣстѣ, то всѣ поѣзжане собираются къ жениху, только его породовая, но главѣ всегда тиенцкй, и съ нимъ еще полагается вмѣсто невѣсты брузга, его сестра или родственница. И такъ дома у жениха пьютъ чай, обѣдаютъ, пашьютъ немного, молятся Богу и ѣдутъ съ поѣздомъ къ невѣстѣ. Тиенцкй съ женихомъ, а впереди ѣдетъ вершникъ одинъ верхомъ въ сѣдлѣ и съ колокольчиками въ стременахъ, наукрашенный весь: черезъ плечи 2 полотенца крестомъ на груди, шапка въ ленточкахъ. Остальные поѣзжане: дяди, тетки, другіе родственники ѣдутъ на другихъ лошадяхъ сзади; у всѣхъ привязаны колокольчики у дуги. Въ домѣ все прибрано и приготовлено къ свадебному пиру.

Теперь перенесемъ опять въ домъ невѣсты, гдѣ самое главное происходитъ до самаго вѣнца.

Какъ утро настало, день свадьбы, невѣста еще въ кровати, но къ ней уже збираются причитальщицы, ея подруги. Въ домѣ съ утра все готовится для пира; когда приходятъ причитальщицы, то и мать невѣсты подходятъ къ кровати и поютъ будильную пѣсню:

„Што у меня, бѣдиунки,
Да не встаетъ да доць любезная,
Она спитъ да не постарому,
Да она спитъ да не попржнему.
Ты ставай-ка, доць любезная,
Ужь ты, подружка моя милая,
Ужь ты повьстань-ко, голубунка!“

Въ это время невѣста встаетъ и, закрывъ лицо руками, начинаетъ хныкать. А въ это же время поютъ дальше:

„Душа да красна дѣвушка,
Полно спать да высыпаться.
Пора время пробуждаться.
Но селамъ все пѣтухи поють,
А по нѣбушкамъ пецьки томятся,
А по церьквамъ да Богу молятся,
А по цясовенкамъ спасаются.“

Въ это время невѣста сходить съ кровати, плачетъ. Отъ ея имени причитываютъ такую пѣсню:

„Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошненинко!
Меня, да красну дѣвушку,
По сегодняшнему денцику,
Задороцили и забаженили.
Ужь нынѣ не будить красну дѣвушку:
Ни пѣтушки дворовые,
Ни церьковные служители,
Ни монастырьскіе спасители,
И не желанные родители.
Ужь пришла маменька, побудила,
Лѣвой руцинькой раскутала,
Правой руцинькой закутала,
По головушки погладила,
Моей волюшки поладила,
Мнѣ обидушки прибавила.
„Ужь ты спи-тко, доць любимая,
Высыпайся, одинокая!
Проспишь волюшку ты волъную,

Наспишь великое безвольницѣ,
Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошнѣшненько!
Да миѣ, души да красной дѣвушки,
Миѣ поцѣсь да мало спалося,
Да воспихъ много казалося*.

Сонъ.

„Что скрозь мою кровать тесовую
Поросла трава шелковая,
А скрозь периноушку пуховую
Расцвѣли цвѣты лазоревы.
Ужъ супротивъ сердца ретивого
Ужъ зима стоитъ холодная.
А за мной крутымъ зголовницѣмъ
Гора стоитъ высокая,
Да на горы да на высокія
Стоитъ да дубъ крикновистый,
А на дубу да на крикновистомъ
Сидитъ да младъ еизои орѣть.
Онъ въ когтяхъ держитъ не лебѣдушку,
Ту лебѣдушку пощипывать,
Во сыру землю покидывать.
Ужъ гдѣ-то есть у *меня*, у бѣднушки.
Жалостливъ кормилецъ батюшко?
Ужъ ты даѣ-ко, красно солнышко.
Добра коня пѣждеда,
А новы сапожки пекатаны,
А визову дугу пенирижецу
И нову плѣтоцьку пехлыетану,
Да павоцицька молодого,
Голубоцька сизокрылаго,
Миѣ-ка братилка родимого
Пусть-ко съѣздить, голубицькь братилко,
Да по Осипа Прекрасного,
По Ивана Волосатого.
Пусть-ка мой сонъ да поразсудятъ
И въ добры людюшки поразскажутъ.
Охъ ти миѣ, миѣ-ка, побѣднушкѣ,
Да подневольной, красной дѣвушки!
Я сама да сонъ поразсужу
И въ добры людюшки поразскажу.
Мимо мою кровать тесовую

Не рѣчка текла быстрая,
 Судимая сторонушка,
 Мои да горюхи слёзы.
 Скрозь перинушку пуховую
 Ни трава росла шелковая,
 Ни цвѣли цвѣты лазоревы—
 Все деверья со золовками.
 За моимъ крутымъ зголовьищемъ
 Да не дубъ стоитъ крикновистою,
 Тутъ сидитъ да не сизой орѣль,
 Въ когтяхъ дѣржитъ не лебедушку,
 А мою бажону волюшку!”

Въ этой пѣснѣ невеста сначала говоритъ, что съ ней всё стали ласковы и она спала ночь не попрежнему,—ей не будятъ уже постарому. И дальше рассказываетъ сонъ, что много видѣла во снѣ. И дальше разъяснила его сама. Во снѣ видѣла, что рѣчка текла, то это ея судимая сторона и горюхи слёзы.

И ни траву шелковую и ни цвѣты лазоревы казался, а ея деверья со золовками, и не орѣль сидѣлъ съ лебедушкой, а ея женихъ трепалъ ея волю. Послѣ этого пѣнія невеста подходитъ къ матери и проситъ у ней умывальнаго прибора.

Причитальщицы поютъ:

„Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка, побѣдиушки,
 Подневольной, красной дѣвушки!
 Гдѣ доброта моя матушка,
 Гдѣ великое желаньице?
 Ужъ ты подай, желанна матушка,
 Мѣдной тазъ да съ ключевой водою,
 Да было мыло умывальное,
 Часторыби бѣлый гребешокъ,
 Тонко, было полотёнышко,
 Мнѣ приумыться, приуладиться,
 Мнѣ, души да красной дѣвушки,
 Смыть мнѣ съ лица обидушку,
 А съ ретива сердца кручинушку,
 А со ясныхъ оцей темной туманъ“.

Послѣ этой пѣснѣ невеста моется и одѣвается, и какъ только одѣлась, то опять поютъ дальше:

„Ужъ помолитесь красной дѣвушки
 Да Пресвятой да Богородици.“

И поклонъ кладу за батюшка,
И другой кладу за матушку,
А я третій за саму, за красну дѣвушку*.

Послѣ этой пѣсни невеста молится Богу и когда окончила, то подходитъ къ отцу и матери и спрашиваетъ ихъ. Причитальницы поютъ:

„Ужъ гдѣ-то есть у *меня*, у бѣдушки,
Подневольной красной дѣвушки,
Жалостливъ кормилецъ батюшко
И доброта желанна матушка?
Ужъ ты слава, желанна матушка,
Што у васъ за стрепиница
По сегодняшнему *дешючку*?
Ужъ-ли дѣдушку *поминючка*,
Или бабушки *годиночка*,
Мнѣ самой да имениной *день*?
Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошненишко!
Туть не дѣдушку *поминючка*,
Ни бабушки *годиночка*,
Мнѣ самой да *сирвадиночка*“.

Въ этой пѣсни невеста спрашиваетъ мать, что сегодня у нихъ какой праздникъ, что мать все стряпаетъ и готовитъ праздничное кушанье? Послѣ всего этого плакательницъ поютъ чаемъ и кормятъ, и невеста съ ними, и когда вышли изъ-за стола, то невесту наряжаютъ въ хорошіе сарафаны; послѣ всего одѣваютъ ей на голову перевязку—ленту; это въ родѣ обруча, въ ширину 1½ вершка, вышитой кругомъ бархатомъ и унизаны спереди бусами. И когда одѣнуть на голову перевязку, то сверху покрываютъ платкомъ; напередъ короткій конецъ, а весь вѣнчикъ свадн. Когда все готовили, то берутъ двѣ причитальницы ей подъ руки и ведутъ къ отцу. Невеста кланяется отцу въ поясъ, а причитальницы поютъ къ отцу:

„Ужъ гдѣ-то есть у *меня*, у бѣдушки,
Подневольной красной дѣвушки,
Жалостливъ кормилецъ батюшко?
Ужъ ты даѣ, кормилецъ-батюшко,
Добрыхъ коней-улетушокъ.
Новыхъ сапожекъ некатаныхъ,
Новой платочки нехлыстаной
И павошичка молодого,
Голубочка сязокрылаго,
Мнѣ-ка братилка родимого,

Миѣ-ка съѣздить, красной дѣвушки,
Не въ первые, а въ послѣдніе,
Миѣ, душой да красной дѣвушкой,
По родинѣ да по породушки“.

Въ этой пѣснѣ невѣста у отца просить лошади и брата лавоцникомъ—ей послѣдній разъ погулять и погостить у ея родственниковъ. Послѣ этого запрягаютъ лошадь въ сани; къ дугѣ привязанъ колокольчикъ. Невѣста выходитъ, садится въ сани, а ея подружки и плакатчицы кругомъ въ саняхъ сидятъ, а братъ, или кто ближній родственникъ, правитъ лошадью. Идутъ къ сестрѣ замужней. Сестра встрѣчается на крыльцѣ. Сестра и причитаетъ встрѣчную. Поютъ:

„Ужь я ждала-дождалася
Любимую сестричнику,
Ужь тебя, подружка милая!
Я сидѣла на брусовой бѣлой лавоцкѣ
Подъ косицятымъ окошечкомъ,
Все сидѣла-дождалася
Тебя, да красной дѣвушки,
На любимой гостѣницѣ.
Ты собой не возвышася,
А мной да не гнушася,
Пришла ко миѣ, прѣхала.
У меня, подружка милая,
Во высокои новой горѣнки
Да стоять столы дубовые,
Скатертоцки шолковыя,
Пицца-ѣжа вся медовая,
Да для тебя, моя голубушка!“

Послѣ этой пѣснѣ всѣ заходятъ въ избу, молятся Богу. И невѣста подходитъ къ сестрѣ и падаетъ ей на шею; спрашиваетъ её о замужествѣ, хорошо-ли жить замужомъ?

Поютъ причитальницы. Обѣ сестры плачутъ громко.

Поютъ:

„Охъ ты миѣ, миѣ-ка тошнешинько!
У меня-то, красной дѣвушки,
Есть подружка моя милая,
Ты сестричница родимая.
Ужь ты скажи-ко миѣ, голубушка,
Про чужу, дальнюю сторонушку,
Про влада сына отецького
И про богодамыхъ-то родислей.“

Ужь какъ ты жила-обживалася,
Кругъ кого ты обыкалася,
Ужь ты шолками пришивалася,
Или золотами-обвивалася?"

Поеть этой пѣсни поеть отъ имени «мужней сестры».

Поеть:

„Ужь ты не спрашивай, голубушка,
Ужь у меня, у молодой жены,
Про чужу, дальню сторонушку
И про млада сына отцѣвого.
Мы поидемъ въ покои съ тобой отхожде,
А въ цюланы сонетаиные,
И разскажу я, можда жена,
Про чужу, дальню сторонушку
И про млада сына отцѣвого“.

Въ этой пѣсни сестра говорить невѣсть, что ея принародно нельзя разсказывать, а зоветь ея въ потайное мѣсто, чтобы никто не слышалъ, что она ей разскажетъ. Это только поется въ пѣсни, а не уходитъ никуда. А поеть дальше отъ (имени) сестры, ту же пѣсь продолжаютъ:

„Ужь ты жила, моя голубушка,
Ужь ты жила да, красна дѣвушка,
Со своей добротой матушкой.
Ужь какъ по дѣтушку по красному
Ужь твоя доброта матушка
Во теремъ похаживаетъ
И въ окна въ окно поглядываетъ,
Ужь на крылеццошко выскакиваетъ:
„Ужь моя да дочь любимая
Идѣть съ трудной-то работунки,
Идѣть доцма, утомилася,
Рѣзны ножки подломилася
И бѣлы ручки намахалася“.
А на судимой-то сторонушки
Да богадамая-то матушка—
Она во теремъ похаживаетъ,
Изъ окна въ окно поглядываетъ
И на крылеццошко выскакиваетъ:
„Со работы идеть шльщия
По деревеньки шатающа,
И голова да неуборная.“

И сердцько ненокорное“
 Ужъ я еще скажу, голубушка,
 Тебѣ да, молода жена.
 Ужъ я хожу да всё по терему,
 А все стросеньцѣ потеряно,
 Но подворьямъ я скитаюся.
 А только тѣмъ, моя голубушка,
 Ужъ ты выбрала, голубушка,
 Ты судимую сторонушку
 На хорошую угодушку:
 Ужъ какъ первая угодушка—
 Подугольня ближия водушка,
 А другая-то угодушка—
 Почтовая дорожинька,
 А третья-то угодушка—
 Подоконье сторублевое“.

Въ этой пѣснѣ сначала невѣста спрашивала, а послѣ ей сестра рассказала, какъ жить замужемъ, что съ родной матерью хорошо жить, и мать объ ней всё тужить, а свекрова-то все ругается, никакъ ни угодишь ей—ничѣмъ, что она всё перяха, все время ворчитъ; и дальше видно, что у сестры сгорѣлъ домъ, и она невѣсты только хвалить мѣстность, куда она выходитъ замужъ. Послѣ этой пѣснѣ къ ряду всё садятся за столъ, нють чай, обѣдаютъ. Невѣста только сниметъ платокъ, а сидитъ въ одной перевязкѣ. Когда кончили пить и обѣдать, то за столомъ запоютъ такую пѣсню — поютъ причитальщицы благодарить сестру—поютъ:

„Спасетъ Богъ, да благодарствуемъ,
 Я напилася, набѣлася,
 Во цесномъ мѣстѣ насидѣлася,
 Красной ложкой нахлебалася
 У желанного у братилка,
 У родимой-то сестрициньки.
 Спасибо, сестрицинька и братилко,
 На цести вашей милости
 И на вашемъ угощеници.
 Ужъ я съѣла съ палливоцьки нациноноцьку,
 А съ колитоцьки поливоцьку,
 А колобка да не покушала,
 Со сковородки да не зацяла“.

Послѣ этой пѣснѣ всё выходятъ изъ-за стола, молятся Богу. И невѣсту опять покрываютъ платкомъ и подводятъ опять къ зятю и сестрѣ, и поютъ дальше.

Невѣста клѣняется.

„Ты гости-тко, красно солнышко,
Да жалостливъ кормилецъ братилко,
На слезливую на свадьбуку,
Ко разлуцкѣ дорогой воли,
Ко расплету ко русой косы“.

Также и сестрѣ то же самое поють.

Въ этой пѣсни невѣста зазываетъ въ гости, на свадьбу къ себѣ. И такъ она объѣздитъ всю породовую и вездѣ съ причетами одного же характера, такъ же и зазываетъ. Послѣ этой гольбы невѣста ѣдетъ домой, и собираться начинаютъ въ баню. Баню топили ея подружки, и когда готово, то вѣдутъ въ баню. Но сначала подходятъ истонницы къ невѣстѣ и начинаютъ причитывать. Невѣста стоитъ-клѣняется пѣмъ, закрывшая платкомъ, но не плачетъ. Поють истонницы:

„Отворица, дверь дуговая,
По петелькамъ шелковымъ.
По желѣзу вытегорскому,
А по кузлу да каргопольскому.
Не убойтесь-ко, родители,
Не указъ идѣть изъ Питера,
Идутъ баинны истонницы.
Ключевой воды пзюницы.
Мы топили парну баенку
Ни дровцями жаровыми;
Растиляли парну баенку
Ни луциною сосноюю;
Растиляли парну баенку
Кувчалъ травонькой шолковою;
Растиляли парну баенку
Мы цѣтоцъками иваньскими.
Мы носили ключеву воду
Со двѣнадцати колодицъковъ.
Мы со первого колодицъка
Огъ Ивана Волосатого—
Тута ѣхаль чушь-отецъкій сынъ.
Пронѣсь ископоть конниую
И проклатъ слѣды онъ лошадицые,—
И мы той воды не чернали.
Ужъ мы со другого колодицъка,
Мы со матушки съ угрюмъ-рѣки,
Ужъ мы той воды не чернали
А ключевой да не отвѣдали.

Богодамые угрюмые,
Мила-лада несговорная,
Мы со третьяго колодницка,
Мы съ матушки весель-рѣки,
Ужъ мы той воды нацѣрпали.
Ужъ ты пожалуй-ко, голубушка,
Во теплу да парну баенку,
Во бѣлу да умываленку!“

Послѣ этой пѣсни подводять невѣсту къ отцу и причитають.

Невѣста кланяется, но не плачетъ. Поють:

„Ужъ гдѣ-то есть у красной дѣвушки
Жалостливъ кормилецъ батюшко?
Ужъ ты дай-ко красной дѣвушки,
Впереди дайте вожатого,
А позади да бережатого,
Миѣ во теплу да парну баенку“.

Послѣ этого невѣсту подводять къ матери и поють.

Невѣста кланяется. Поють:

„Ужъ ты, подружка моя милая,
Ты, душа да красна дѣвушка,
Ты проси-тко у добротушки у матушки
Брусъ мыла да недержана,
Да гребенцоцки уцѣсоцки,
Да зеркальця хрустального,
Въ косу шолковую лентоцку,
Тонку бѣлую рубашецку
Кашмировую юбоцку“.

Въ этой пѣсни невѣста просить у матери для оани мыла, гребенки, зеркало, и когда все собрано, то подводять еще къ ей красной-божаткѣ.

Невѣста кланяется. Поють:

„Гдѣ-то есть у мяя, у дѣвушки,
Гдѣ красна моя матушка,
Воспріѣмная божатушка?
Ужъ ты дай-ко красной дѣвушки
Тонку, бѣлую сороцицку,
Ужъ которая сороцицка
По три ноциньки вышивана
И по три ступицки выступаана:

По перцу *ночь* *Иваньскую*.
По вторую *ночь* *Петровскую*,
А по третью *ночь* *Ильинскую*.
По рукавамъ-то вѣдь *повышны*
Часто мелкіе-то *звѣздочки*;
А назади-то *повышной*
Младъ *свѣтѣль мѣсяць*;
А напередн-то тутъ *повышны*
Тѣло *красноѣ-то солнышко*.
Ужъ я буду, *красна дѣвушка*,
На *дужой*, *дальней сторонущи*;
Ужъ я пойду за *ключевой водою*.
Ужъ позабудуть меня, *дѣвушка*,
На *крутомъ* на *мелкомъ бережки*.
Ужъ *пораскину*, *красна дѣвушка*,
Тонку, *бѣдую сорокицку*,
Ужъ *засвѣтитъ* да *младъ свѣтѣль мѣсяць*
И *запекѣтъ* да *красно солнышко*,
Ужъ *обогрѣтъ* меня, *дѣвушка*.*

Послѣ этой пѣсни *крѣсна* дарить *невѣтъ* подарокъ: *руоашки*, *платки* и еще *кобъ-что*. Когда все собрано, только бы *идти въ баню*, *то на походѣ* *мать причитаеть*.

Поють:

„Ужъ ты, *подружка моя милая*,
Ужъ *парна баенка* не *тошлена*,
Ключева вода не *пошена*.
Обманули тебя, *бѣдушкку*“.

Послѣ *матери* еще поѣтъ *одна подруга ея*. *Причитывають*.

„Ужъ ты *послушай-ко*, *голубушка*,
По *сегодняшнему денцкку*,
Не *ходи* по *парну бадику*.
Ужъ я *стояла*, *красна дѣвушка*,
У *этой парной бадики*:
Тутъ вѣдь *ѣхать чуть-отецккн сынъ*,
Своей *шляпоноккой* *помахиваль*
И *тобой*, *дѣвушкой*, *похвастываль*
У *этой парной бадики*
Будеть *волюшка* *продажная*,
А *красна дѣвушка* *навязная*.
И *говорила*, *красна дѣвушка*,
Да у *насъ*, да *во роду-племени*,

Нѣту волюшки продажныя,
Нѣту дѣвушки навязныя“.

Когда все готово, то идетъ съ подругами въ баню и по дорогѣ,
до бани поютъ пѣсню всѣ хоромъ:

„Эхъ, прошло житье вольное
И самовольное!—
Дѣвушкой житье
Мнѣ у батюшка дома хорошо.
Какъ въ чужихъ людюшкяхъ
Рано будятъ, будятъ до зори.
Отъ чужой-то работушки
Болить бѣла грудь.
Чужая-то работа мнѣ вѣдь не забота.
Эхъ, западайте и заростаите
Всѣ сюда дороженьки,
Мнѣ больше не по што
И не заѣмъ мнѣ сюда ходить“.

Подходятъ къ банѣ, заходятъ туда нѣсколько подругъ, то невѣста
поѣтъ:

„Какъ въ этой парной баенкѣ
Есть три грядоцьки тоцѣныя,
И три стопоцьки тоцѣныя,
И три брусowychъ бѣлыхъ лавоцьки,
И три косицятыхъ окошницъка.
Я на перву кладу грядоцьку,
Скину шубу соболнную:
А на другую-то на грядоцьку
Тонку, бѣлую сороцицьку.
А на первую-то стопоцьку
Тонко, бѣло нолотдышко;
А на вторую-то на стопоцьку
Да свою да дорогу волю.
А на первое окошницъко
Кладу мыло умывальное,
И часторыбѣи бѣлый гребѣшокъ,
И бѣлила со румянцами.
На перву кладу я лавоцьку
Мѣдной тазъ да съ ключевой водой,
А на другую сяду лавоцьку
Я сама, да красна дѣвушка“.

Послѣ этого невѣста раздѣляется, моется. Когда вымылась, то ея въ косу вылетаютъ три широкія, разноцвѣтныя ленты шолковыя, такъ что коса съ лентами виситъ до поджилокъ. Послѣ этого выходятъ изъ бани, то поють:

„Разсыпайся, парня баѣшка,
Послѣ моего быванья,
Послѣ моего хожденья.
Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошненишко,
Послѣ моего быванья!“

Въ это время идутъ къ избѣ и поють все эту пѣсню у крыльца.
Поють:

„У родимого у батюшка
Новы санички подрублины,
Перено крыльцо подвышено,
Три ступенячки подбавлено.
Ужъ не несутъ да ножки рѣзвѣ...
На высокоу нову горенку“.

Съ этими пѣснями входятъ въ избу и поють дальше къ матери:

„Ужъ гдѣ-то есть у мня, у одиушки,
Да доброта желанна матушка,
Великое желаньякъ?
Ужъ по сегодняшнему денякъу
Были глушыя истонщица,
Неразумныя водоносники,
Была баенка не тошлена
Я не умилась, не унарилась,
Только съ востушкой разсталася“

Послѣ этой пѣсни и приготовленія къ встрѣчѣ поѣзда, наизпривается много народу около невѣстичьей избы. Невѣста и ея подруги въ избѣ. Вотъ показывается поѣздъ, останавливается мужиками у деревни. Просятъ выкупъ за пропускъ. Имъ даютъ на четверть вина. Поѣздъ стоитъ. Отъ поѣзда отдѣляется вершникъ, подѣзжая къ избѣ, гдѣ собралось много народу.

Вершникъ наукрашенъ полотешцами, крестомъ на груди черезъ плечи, шапка вся въ кисточкахъ. Подѣзжая къ избѣ, снимаетъ шапку, низко кланяется, говорить:

„Здравствуйте, старые старячки,
Пожилые мужикачки,
Красные дѣвчичи,
Умыне молодичи!“

Прошу я васъ
И низко кланяюсь,
Вы меня доведите
И допустите—
Въ которыхъ теремахъ
Проживаетъ княгиня молодая“.

Въ это время подводятъ его лошадь къ окну; онъ вынимаетъ кнутъ, стучится и говоритъ:

„Господи, помилуй,
Господи, помилуй,
Господи, помилуй,
Кто дому хозяйинъ?“

Отвѣтъ:

„Аминь вашимъ молитвамъ!
Голосъ вашъ слышу,
Лицо ваше вижу,
А имени вашего не знаю.
А воротись—опять появись“.

Вершникъ отъѣзжаетъ къ поѣзду и снова возвращается, опять стучится, говоритъ:

„Господи, помилуй (3 раза),
Кто дому хозяйинъ?“

Отвѣтъ:

„Аминь вашимъ молитвамъ!
Откуда ѣдете? Кому служите?“

Вершникъ:

„Я служу Богу
И великому государю,—
Свату большому,
Князю молодому,
И тысяцкому,
И всему княженецкому поѣзду!“

Изъ окна:

„Отъ кого ѣдете?
Кому служите?
Которыми дорожками
Ѣхали сюда?“

Вершникъ:

Ѣхали дорожкой
Казанской, рязанской,
А именно московской,
Что слѣдуетъ быть
Намъ по пути ѣхать сюда*.

Низъ окна:

„На этихъ путяхъ-дорожкахъ
Стоять три заставы великія,—
Какъ же ты проѣзжалъ ихъ сюда?“

Вершникъ:

„Первую заставу
Добрымъ конёмъ топталъ,
Другую заставу
Хлѣбомъ-солью,
А третью заставу
Божьей милостью“.

Низъ окна:

„Поставлена у насъ
Стѣна городова, —
Какъ же ты проѣзжалъ *ей*?“

Вершникъ:

„Небомъ покрылся,
Землей подмостился,
Вечерней зарей подиоясился,
Частыми, мелкими
Звѣздами обтыкался,
Стѣну городовую перелетѣлъ“.

Низъ окна:

„На комъ съ княженецкого
Двора свислся?
На комъ летѣлъ
Чистымъ полѣмъ?“

Вершникъ:

„Съ княженецкого двора
Свислся на львъ-звѣрѣ,
Чистымъ полѣмъ летѣлъ
На макуш-птицѣ.“

Передъ вашей княгиней
Молодой стою
На добромъ конѣ,
Чтобы ваша княгиня
Молодая не убоялася,
Не устрашилася
Страху и трепету
Великой Божьей милости.
Пожалуйте нашему князю
Молодому постояннй дворъ,
Сѣна сѣнники,
Амбары съ овсами;
Нашему князю молодому
Хоромы теплыя”.

Изъ окна:

„Приказала княгиня молодая
Спросить: которого числа
Съ княженецкого двора снялись?
Ни по первое января,
Ни по двадцать первое февраля?“

Вершицкъ:

„Вхали мы съ Рождества Христова
И до города Ростова.
Во городѣ Ростовѣ
Да были намъ стоять
Хороши дворы просторы.
Ночь ночевали—500 рублей держали.
Обѣдъ обѣдали—тысячу.
Не нашлась въ городѣ Ростовѣ
Нашему князю молодому
Княгиня молодая.
Просказалися, проговорилися
Старые жильцы ростовцы,
Что въ вашемъ царствѣ,
Въ валемъ государствѣ,
Находится княгиня молодая:
Станомъ она становита,
И складомъ она складовита,
Походочка у ней навинная,
Поговорка лебединная.
Бьётъ челомъ, клонится
Матери сыроѣ землѣ.

Нашему князю прилюбилася,
Приглянулася.
Ѣхали мы день до вечера,
Ночь до утра ясного,
До бѣлы свѣту прекрасного.
Когда солницу выкататисѣ.
Намъ книгиню добиратисѣ.
Ѣхали мы *ни* пиваючисѣ,
Ѣхали мы *ни* ѣдаючисѣ,
Всѣ ѣхали, домогалися
Нашу книгиню молодую.
Пожалуйте нашему князю
Молодому постоялыйи дворъ,
Сѣна сѣнники,
Амбары съ овсами;
Нашему князю молодому
Хорошы тѣплицы*.

Нашъ окна:

„Приказала книгиня молодая
Узнать: широкъ-ли стронть
Постоялыйи дворъ? Сколько
Вашей дружины ѣдетъ,
Удалыхъ молодцовъ?
Сколько бѣжитъ
Быстрыхъ жеребцовъ?
Какіе на молодчикахъ платыща,
Какіе одѣты шапочки,
Какіе сапожки на ножкахъ?“

Вершинкы:

„Стронть домъ на семи верстахъ,
На семсогы столбахъ.
А около двора—
Чтобы булатный тыль.
На каждой тышинѣ
По маковицѣ
И аздоту кресту
Зелочному.
А на серединѣ постронть
Теремъ алатоверхий
Съ тронхи сивыми кленовыми,
Съ тронхи сивыми рѣшотчатыми,
Съ тронхи сивыми стекольчатыми.

Какъ на небѣ луна—
И во теремѣ луна;
Чтобы на небѣ звѣзды—
И во теремѣ звѣзды;
И чтобъ всегда та луна
Понаведена была.
А бѣжить жѣребцовъ
По числу молодцовъ.
А всѣхъ молодцовъ
Ровно тысяча.
Одѣтыя платица шолковья,
Шаночки съ кисточками,
А сапожки на ножкахъ сафьяновыя.
Просить нашъ князь молодой
Постоялый дворъ, сѣна сѣнники,
Амбары съ овсами, а нашему
Князю молодому хоромы теплыя“.

Изъ окна:

„Наша княгиня молодая
Утромъ ставила ранѣшишко,
Умывалася бѣлешинько,
Въ чистыя шолковыя платица
Одѣвалася, отправлялася
Съ нянюшками и съ мамушками
Во чисто поле прогуливаться
И съ собой ключи унесла.
Нельзя вамъ постоялого
Двора отпереть“.

Вершникъ:

„Нашъ князь молодой
Прошолъ со своею дружиною
Храброю
Погулять, походить
По чисту полю,
По зелѣнымъ лугамъ,
Со своею дружиною храброю;
Увидалъ, услыхалъ
Онъ княгиню молодую
Во чистомъ полѣ,
Ключи отобралъ.
Вотъ пожалуйста:
Они въ кармашкѣ,

Золоты и бумажки,
Пожалуйте нашему князю
Молодому постоянный дворъ,
Сѣна сѣнники,
Амбары съ овсами,
А нашему князю молодому
Хороши тепляя*.

Изъ окна:

„Наша княгиня молода,
Ставала ранѣшничко,
Умывалася бѣлѣшничко,
Вытиралася пѣ чистое
Бѣлое полотенишко,
Садилася на вочельчатое
Окнечико, открывала
Сивѣду слуднику,
Обвернулася водолавною
Сѣрою утушкою.
Улетѣла въ край сѣни моря
На тихіе, мелкіе заводи,
Тамъ плаваесть,
И съ собою ключи унесла.
Нельзя тебѣ постоянного
Двора отпереть“.

Вершничъ:

„Нашъ князь молодоп
Пошеть на охоту
Со своею дружиною храброю,
На край сѣни моря,
На чисто поле,
И брать свою оружейную
Охоту, и ходилъ, стрѣлялъ
Гусей, лебедей
И водолавныхъ сѣрихъ
Утушокъ.
Ваша княгиня молодая
Убоялася, устрашилася,
Улетѣла въ свои терема
Златоверхіе
И свѣтлицы-горницы,
И теперь она тутъ живѣтъ.
Пожалоста, пощните

И постоялый дворъ отогрете,
Откройте сѣна сивники,
Амбары съ овсами,
А нашему князю молодому
Хоромы теплыя“.

Изъ окна:

„Наша княгиня молодая,
Ставала поутру ранешинько,
Умывалася бѣлѣшинько,
Садилася на космачатое окошечко,
Обвернулася бѣлою
Кал-птицею,
Улетѣла за тридевять земель,
За тридевять морей,
За тѣмные лѣса,
За дикіе острова,
Повила тѣмная гнѣзда,
И тамъ поживаетъ.
И съ собой ключи унесла.
Нельзя тебѣ постоялого
Двора отпереть“.

Вершникъ:

„Да нашъ князь молодой
Бралъ оружейную охоту,
Садился на легкія
Волховныя лодочки
Съ дружиною храброю,
И поѣхали они, и поплыли
За тридевять земель,
За тридевять морей,
За тѣмные лѣса,
За дикіе острова.
Съ оружейною охотою
Гуляли, стрѣляли
Гусей, лебедей.
Этого стуку,
Оружейного звуку
Убоялася, испугалася,
Улетѣла въ свои
Терема златоверхіе.
И живѣтъ въ свѣтлой горницѣ
Ваша княгиня молодая

Во теремъ теперь,
Пожалуйте нашему князю
Молодому постоялый дворъ,
Сѣна сѣнники,
Амбары съ овсами,
А нашему князю молодому
Хоромя теплая*.

Изъ окна:

„Вамъ постоялого двора
У насъ нѣтъ.
Вы поѣжайте въ чистое поле
Подъ черной оболочъ,
Подъ звездочки частыя, мелкія*.

Вершники:

„Да тамъ былъ нашъ князь молодой,
Тамъ дворы занятые,
Непростые,
Заняты гусями, лебедями
И бѣлыми черноухими зайками,
И бурмастыми лисцами.
То, пожалуста, просимъ,
Отведите намъ постоялый дворъ,
Сѣна сѣнники,
Амбары съ овсами:
Нашему князю молодому
Хоромя теплая*.

Изъ окна:

„У насъ небо—двери,
Земля—замокъ,
Какъ же вы проѣжали сюда?“

Вершники:

„Когда мы ѣхали,
То, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе,
Отперзены были двери
Отъ земли и до неба.
Въ эту перу мы проѣхали.
Вотъ сходи-ко ты въ поле,
Убей вола, накачай крови,
Поднеси себѣ и мѣхъ*.

Переговоры кончились дружки и вершника, — это самый интересный эпизодъ всей свадьбы, потому что въ это время собирается очень много народу къ набѣ послушать разговоръ дружекъ, и который изъ нихъ красивѣе скажетъ и лучше, то побѣжденный долженъ, обязательно, отдать бутылку вина побѣдителю. И когда окончились переговоры, то вершнику дѣлають встрѣчу: выносятъ вино, закуски, хлѣбъ-соль и рюмку наливають вина и подаютъ вершнику. Онъ льётъ её черезъ голову; вторую наливають—онъ льётъ её черезъ правое плечо; третью наливають—льетъ черезъ лѣвое плечо, а когда нальютъ четвертую, то тогда пьётъ и ѣдетъ къ поѣзду, и возвращается уже съ поѣздомъ. Женихъ и тысяцкій, брѣзга и всѣ остальные чотѣжане стоятъ у крыльца. Въ это время выходятъ изъ избы невеста и причитальщицы, сойдя на нижнюю площадку, и поютъ встрѣчную пѣсню. Невѣста, закрытая, кланяется сватамъ, и женихъ напротивъ невесты стоитъ, кланяется.

Поютъ причитальщицы:

„Изъ-за лѣсу, лѣсу темного,
Изъ-за садичку зеленого
Выкаталася туча тѣмная,
Туча темная, громовая.
По лѣсамъ туча катилася—
Лѣсы съ кореня валилися;
По горамъ туча катилася—
Горы на-двое двоилися;
По дороженьки катилася—
До толика дорожка билася;
По воды туча катилася—
Вода съ нескомъ мутилася.
Накатилася туча тѣмная
На батюшковъ высокъ терѣмъ,
На матушкину горенку,
На братцевъ на кульцюжный дворъ,
А на мой да на зелѣнный садъ.
Я въ садоцьку погодилася.
Рѣзвы ножки подломилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Передрогнуло ретиво сердце,
И помутились очи ясныя.
Ужъ гдѣ-то есть у меня, у бѣдишки,
Гдѣ подружки мои милыя,
Ужъ души да красны дѣвушки,
Мои кумушки крестовыя?

Вы послушайте, голубушки,
 И накинѹ на вѣсь службу не великую
 И работу не тяжолую,
 Вы повишейте, голубушки,
 Тонку, бѣлу занавѣсоцку;
 Вы на первомъ углу вышейте
 Москву да со боярами,
 А на другомъ углу повишейте
 Литву да со поляками,
 Вы на третьемъ углу вышейте
 Петербургъ да со бурлаками,
 На четвертомъ углу вышейте
 Новгородъ да со солдатами,
 А на *сирѣдочкѣ* повишейте
 Голубка да со голубушкой
 И селеня да съ сѣрой угушкой.
 Вы повестьте эту занавѣсь,
 Край пути большои дорожкиньки,
 На тридоцки соидниа,
 На колоцки золотниа,
 Тутъ поведеть *чуть-отецкии* сынъ,
 Въ *кожнѣхъ* людѣхъ небывальщиа,
 И городовъ онъ невидальщиа,
 И разглядитѣ да заемотритѣ
 Онъ на тонку, бѣлу занавѣсоцку,
 Младъ да *чуть-отецкии* сынъ
 Со мнои на рѣчи не ставитѣ
 И на разговорѣ не здаваетѣ,
 Хвѣ онъ смѣло идѣтъ, нахальницкѣтъ;
 Онъ торгуеть мою волюшку
 У кормильца свѣта-батюшка;
 Онъ *давать* за дорогу волю
 Много золота, много серебра.
 И стоила—не боялася,
 Говорила—не стыдилася:
 Моя воля—не продажная
 И дорогая—не промежная
 На твое золото на серебро,
 Онъ того да не пытаетѣ,
 Онъ съ дорожки не съвѣдлюци
 И съ пути не ворожуетѣ,
 И со мнои на рѣчи не ставитѣ,
 На разговорѣ не пускаетѣ.
 Онъ торгуеть мою волюшку

У доброты моеѣ матушки;
Онъ *давать* за дорогу волю
Кунью шубу—соболѣиу
И поволоку—кармазиную.
Я стояла—не боялася
И говорила—не стыдилася:
Моя воля—не продажная,
Дорогая—не промежная.
Онъ того да не пытается,
Онъ съ дорожки не *съѣждяючи*
И съ пути не *вороцается*,
И со мной на *рѣчи* не ставится,
На разговоры не пускается.
Онъ торгуетъ мою волюшку
У сестрицъ да у голубушокъ;
Онъ *давать* за дорогу волю
Голомѣдныхъ сладкихъ пряниковъ.
Я стояла—не боялася
И говорила—не стыдилася:
Моя воля—не продажная,
Дорогая—не промежная
На твои на сладки пряники.
Онъ того да не пытается,
Онъ съ дорожки не *съѣждяючи*
И съ пути не *вороцается*,
И со мной на *рѣчи* не ставится,
На разговоры не пускается.
Онъ торгуетъ мою волюшку
У родимыхъ у братьницѣвъ,
У желанныхъ у дядницѣвъ;
Онъ *давать* за дорогу волю
Сорокъ недеръ зелена вина,
Пятьдесятъ да шива пьяного,
А шестьдесятъ да мѣду сладкого.
Ужъ я стояла—не боялася,
Говорила—не стыдилася:
Ты послушай, *чуть-отелькій* сынъ,
Да моя воля—не продажная,
Дорогая—не промежная
Ужъ на твое на зелено вино.
Ужъ у меня, у красной дѣвушки,
У меня и во моемъ роду
Сорокъ братьницѣвъ-горлалицѣвъ
И тридцать дядницѣвъ-арлапаницѣвъ.

Они пашьются зелена вина,
Они побьютъ да ваши головы
И растреляють ваши бороды*.

Эта пѣсня поется у крыльца все время.—если когда холодно, то въ санихъ. Когда окончили эту пѣсню, то невѣста съ плакательницами отоблудить въ сторону, а тысящикъ впереди идетъ въ избу, за нимъ женихъ, потомъ брѣзга и остальные поѣзжане. Когда подходитъ къ столу, то дѣвушки, подруги невѣсты, сидятъ за столомъ кругомъ. Тысящикъ подходитъ къ столу и говоритъ имъ: „что вамъ надо?“ На эо дѣвушки говорятъ: „Вы купите у насъ стель*“. А стель покрыта скатертью, и положено стошой 6 шт. тарелокъ. Тогда подходитъ отецъ жениха и кладетъ на первую тарелку мѣдныхъ денегъ.

То одна дѣвушка, старшая, сниметъ эту тарелку и говоритъ:

„Мы—дѣвушки не бѣдныя,
Любимъ денежки не мѣдныя,
А мы—дѣвушки средня,
Любимъ денежки серебряныя*.

Тогда отецъ жениха сядетъ на другую тарелку больше серебра.

Тогда опять дѣвушка снимаетъ тарелку со стошы и говоритъ:

„Мы—дѣвушки не простыя,
Любимъ денежки золотыя*.

Опять отецъ жениха кладетъ на третью тарелку золотыя деньги.

Дѣвушка опять сниметъ эту тарелку прочь и говоритъ, что

„Сидать тутъ дѣвушки важныя,
Любятъ денежки бумажныя*.

Тогда отецъ жениха опять кладетъ бумажныя деньги. Это дѣлается для похвалы: что они—не бѣдные люди, денегъ у нихъ много. А дѣвушки своей рукой возьмутъ себѣ на кредели около 1 р. 50 коп., а остальное отецъ жениха убираетъ обратно къ себѣ. И въ это время дѣвушки выходятъ изъ-за стола, а туда садятся всѣ поѣзжане: тысящикъ, женихъ, а брѣзга сидитъ рядомъ о жениха на мѣстѣ невѣсты, а рядомъ съ ней отецъ, а дальше дядя и другіе родственники жениха. У жениха кругомъ шея одѣтъ шелковый платокъ, однимъ концомъ кругъ шея, а другой конецъ виситъ до колѣнъ; а на шею завязывается не узелъ, а вдѣвается въ кольцо платокъ. Женихъ стоитъ, и брѣзга стоитъ, кланяются народу изъ-за стола. Съ собой у нихъ привозятся вино, и они пьютъ сами и угощаютъ постороннихъ. А въ это время невѣста съ подругами ѣдетъ погулять на лошадахъ;

поють пѣсни; объѣзжаютъ всѣ ближнія деревни. Цевѣста, закрытая, всѣмъ кланяется, а дѣвушки пѣсни кое-какія поють. И вотъ пость прогулки невѣста возвращается домою, и её ведутъ въ стѣнную комнату, и уже оттуда съ плакальницами идѣтъ въ избу; *ей* ведутъ двѣ подруги подъ руки. Входятъ въ избу, то подходятъ къ столу. Женихъ и брѣзга стоятъ напротивъ за столомъ, кланяются. Невѣсту подводятъ закрытую; она кланяется всѣмъ поѣзжанамъ, но не плачетъ, а только кланяется все время, пока причитальницы поють. Эта пѣнь называется—причеты у стола. Народу полная изба набиралась. Поютъ такъ у стола:

„Меня, Господи, благослови!
Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошнѣншько!
Кабы на бѣлую лебѣдушку
Ни зима была холодная,
Ни летѣла-бы лебѣдушка
За снѣго-бы морюшко;
А на меня, на красну дѣвушку
Ни желанные родители,
Ни пошла бы, красна дѣвушка,
Во *цесно* мѣсто—большой уголь.
Пораздвнятесь, люди добрые,
Пораздвнятесь, люди православные,
Дайте *мистицька* *нимножицько*,
Со одну *половициньку*.
Мнѣ не въ *сапоцькахъ* катитися,
Ни *зъ* дровнями воротитися,
Мнѣ самъ-другъ да съ дорогой волей,
Самъ-третей да съ подголосницей.
Я ступень ступлю—во сто рублей,
На другой ступлю—во *тысяцю*,
А третьему *цѣны* нѣту.
Я *целомъ* да *поклоняюся*
Я столу да *княженецькому*,
Да младу сыну *отецькому*.
За столами за дубовыми
Сидять гости *незнакомые*:
Всѣ *купци*, гости *торговые*,
Сидять *шуньскіе* *прикащики*
Со *шолками* и съ *бумагами*,
И *заморскими* *товарами*.
Гдѣ-то есть у *меня*, у *дѣвушки*,
Жалостливъ *кормилецъ* *батьюшко*?
Ужъ ты *купи*, *желанной* *батьюшко*.

Ужь штофу миѣ на штофинцю,
Парцю да на парцѣвничѣкъ,
А атласу на атласничѣкъ.
Заработаю я, дѣвушка,
Десять лѣтъ я за младенствѣ,
А друго десять за дѣвичество,
А третье десять за обновочки“.

Въ этой пѣсни невѣста говоритъ, будто она не знаетъ, какіе то гости или купцы сидятъ за столомъ съ товарищами. И она отца своего проситъ купить у нихъ ей штофу, парчи и атласу. И говоритъ ему, что отработаетъ она десять лѣтъ за младенчество,—значить, она когда была маленькая,—а другіе десять за дѣвичество, а третье десять за обновочки. Дальше поэтъ эту же пѣсню у стола, безъ перерыва.

„Ужь охъ-ти миѣ, миѣ-ка гошпеншицько!
За столами за дубовыми
Не купцы-гости торговые
И не шуьскіе прикащики,
Туть сидитъ да *чуть-отецкій* сынъ,
Онъ со храбрымъ своимъ поѣздомъ,
Онъ со дружкой, со *тысяцкимъ*
И со брѣзгой да княженецкою“.

Въ этой пѣсни невѣста поетъ-говоритъ, что она ошиблась, сначала думала, что купцы сидятъ, а оказалось *чуть-отецкій* сынъ, и *поецкій*, и брѣзга, и весь поѣздъ. Поэтъ дальше къ тысяцкому:

„Ты скажи-тко, *красной* батюшко,
Про млада сына *отецкого*?
Мы жили въ дальнѣмъ разстоянницѣ,
Не *цѣстомъ* были свиданницѣ.
И какъ зовутъ его по имени
И величаютъ по *наоществу*?“

Въ этой пѣсни невѣста спрашиваетъ *тысяцкого* про млада сына *отецкого*, что кто онъ такой и какъ его звать и величать, такъ какъ она не часто съ нимъ видалась. Поэтъ дальше уже къ жениху:

„Ужь ты скажи-тко, *чуть-отецкій* сынъ,
Ужь ты гдѣ меня *повыглядѣлъ*,
Ужь ты гдѣ меня *повысмотрѣлъ*,
Ты у раняго *сталавннца*,
Или *пецного* *затоцденнця*,
Или у ближнего *пеценнця*?“

У меня у раняго ставаныця
 Есть доброта моя матушка;
 У коровьяго корму даваныця
 Есть витлявал невѣстушка,
 А у блинного пеценьця
 Мпѣ-ка не кѣмъ замѣнитися.
 Я пекла блины, стыдилася,
 Въ лицыкѣ кровь да расходилася,
 Вѣрно тутъ я прилюбилася.
 У избного пометеньця
 Есть сестриця да голубушка.
 Я на гороцкы каталася,
 Отъ вѣтровъ лицыко навѣялось,
 Вѣрно тутъ баска казалася;
 Я на колубени колубалася
 И мачалася,
 Въ лицыкѣ кровь да разыгралася,
 Вѣрно тутъ баска казалася;
 Во Божьей церкви, стоящися,
 Я отъ желанья молилася,
 Въ лицыкѣ кровь да расходилася,
 Вѣрно тутъ я прилюбилася".

Въ этой пѣсни невѣста спрашиваетъ жениха, гдѣ онъ ей полюбилъ: когда она блины пекла, да отъ жары лицо горѣло, или на качели когда качалася, или съ горы каталася, или въ церкви усердно когда молилася и лицо ея горѣло. Поютъ дальше тоже къ жениху:

„Ты послушай, чунь-отецкій сынъ,
 Я сама себя похваляю:
 Я дѣвцѣнка не хорошая,
 Я дѣвцѣнка не корыстная,
 Я на походецку не стопоцка
 И на поклонцки не плѣтоцка.
 Я не стану покоритися
 И не буду поклонитися
 Твоему да роду племени
 И богоданнымъ родителямъ:
 Ужъ я свѣкра-то звать батюшкой,
 А спекровушку-ту матушкой,
 А тебя-то звать по имени,
 А велнцять да по отечеству.
 Ты отъждяй-ко, чунь-отецкій сынъ,
 Отъждяй да добрый молодець

Во Москву да ко боярину,
 Во Москвы да у боярина
 Есть три дочери хорошія:
 Перва дочь живётъ дѣвицею,
 А друга живётъ вдовицею,
 А третья дочь да на выдана чья.
 Буде ты да не прелюбятея,
 Буде ты да не приглянутея,
 Отъ женой-ко, чють-отецкіи сыни,
 Во Литву да ко татарину.
 Во Литвы да у татарина
 По три дѣвушки на денежку,
 По дѣтаре на конесыку.
 У нихъ рубашки-то сборниками,
 У нихъ штофишки съ волтинками.
 Они набѣлены, намазаны,
 Краи дорожкиши поставлены,
 Про тебя да всё налажены.
 Да ужь въ Синодѣ было писано,
 А сюда да было прислано.
 У насъ записи не кладены
 И контракты не назиданы.
 Ужь отъ стола люди расходятся
 И отъ вѣнца да разъѣждются.
 Ты прощай-ко, чють-отецкіи сыни,
 Намъ съ тобой да не видатися*.

Въ этой пѣсни невеста заиць сама себя и, кромѣ того, надемѣ-
 хается надъ женихомъ, и проеиць его уѣхать прочь отъ ней. И не-
 вѣста въ это время повернется отъ стола, сдѣлаеть шага два, и опять
 возвращается къ столу. И продолжаютъ пѣть къ жениху:

„Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошненищыко!
 Видно быть да покоритися,
 Да видно быть да поклонитися.
 Видно, я да прѣступилася
 И на словахъ проговорилася.
 Ужь я буду, красна дѣвушка,
 У тебя да на твоёмъ дому,
 Ужь я стану покоритися,
 И я стану поклонитися
 Твоему да роду-племени,
 Да твоимъ цвѣтамъ-родителямъ,
 Ужь я свѣкра звать-то батюшкомъ,

А свекрову звать я матушкой,
А тебя да звать по имени,
А величать да по отчеству“.

Въ этой пѣснѣ невѣста уже передъ женихомъ покорится и жалѣеть о томъ, что она въ горячкѣ много наговорила глупостей. И поютъ дальше пѣснь, уже къ брюзгѣ поютъ. Невѣста плачется.

„Ужъ я увидѣла, увозрѣла
Да сквозь туманъ да горюхи слѣзы,
Сквозь великую обидушку,
Цестну гостью небывалую,
Небывалу прѣждялую.
Ты откуль, гостья, прѣѣхала,
Да ты куда, гостья, поѣхала,
Ты къ Макарью на желты пески
По завѣтамъ Богу молишься?
Ужъ не могу признать, невольница:
Ни по голосу, ни по волосу,
Ни по платицю ни по цвѣтному
И по личужку по бѣлому.
Ужъ признаваю, дочь невольная,
По младу сыну отцкому,
Брюзга да княженецкая,
А мнѣ сестриця богодамая.
Она сидитъ-то—будто барыня,
А говорить, какъ государыня,
Будто шуньская прикащиця,
А петербургская разрядщиця,
Будто пудоська неправщиця,
А изъ Москвы да капитаньщиця.
Она попова новгородская,
Али попадья петрозавоцькая.
У ней походацька павиная,
А поговорка лебединая,
У ней перомъ лицѣ написано,
Колесомъ брови наедены,
У ней очи ясна сокола,
У ней брови цѣрна соболя.
Ужъ ты скажи-тко мнѣ, невольщицѣ,
Брюзга да княженецкая,
Сестриця богодамая,
Про млада сына отцкого:
Онъ не пьѣтъ-ли зелена вина,

Не играть-ли косью-картою?
Ужъ не стоять-ли миѣ-ка, бѣдушки,
Да на новихъ сивихъ рѣшотчатыхъ,
Не держать-ли буде, дѣвушки,
Рѣзны ножки на походоцки,
А бѣды рукави на аляжницки?*

Въ этой пѣснѣи невѣста сначала спрашиваетъ брѣзгу, будто она *ей* не знаетъ, и спрашиваетъ *ей*, что куда она отиравилась; а послѣ призвала по жениху, что она его сестра, то *ей* она расхваливаетъ и примѣняетъ *ей* кое къ кому изъ интеллигентнаго класса. И спрашиваетъ *ей* еще про жениха, что не пьетъ-ли онъ вина, не играетъ-ли въ карты, и что не придется-ли ей его по вечерамъ въ сивихъ дожидаться. И послѣ поѣтъ овить къ жениху. Поѣтъ:

„Ужъ младъ да чужь-отецкѣй сынъ
Да онъ подизать буицу голову,
Потупить да очи лешая
Да во матушку сыру землю,
Ужъ взглянуть да по звѣрному,
А вадохнуть да по змѣиному,
Ужъ отъ его вадоху змѣиного,
Отъ его взгляду звѣрного
Придробло ретиво сердце,
Подломилсь ножки рѣзныя,
Ужъ тонко цвѣтное платѣничко
Все по швамъ да расшивалось,
Тонка бѣльная сорокицка
По уголкамъ растыкалася,
А золотая переваццка
По шелтицамъ разивалася,
А по золотникамъ раземкалася.
Ужъ младъ да чужь-отецкѣй сынъ --
Онъ сидитъ да думу думаетъ:
Ужъ по вечеру по поздному
Холодба моя мицуется,
Молода жена прибудется,
Ужъ какъ я жену повуюю,
Какъ молодую я повишколю,
Ужъ я такъ жену повуюю,
Такъ молодую повишколю,
Не спущу я молодой жены
Я пять лѣтъ на свою сторону,
Десять лѣтъ да я ни разицку“

Въ этой пѣснѣ неvěста говоритъ про жениха, что онъ очень злой; навѣрно, что когда будетъ она жить съ нимъ, то онъ ей не будетъ пускать на родину никогда. И неvěста поворачивается отъ стола и идетъ къ матери. И поютъ:

„Ужь на страху я настоялася,
 Страху Божыи наглядѣлася.
 Ужь, гдѣ-то есть у мнѣ, у дѣвушкѣ,
 Доброта желанна матушка?
 Ужь, доброта моя матушка,
 Ужь мнѣ сказали да чушь-отецкій сынъ,
 Да мнѣ сказали да добрый молодець,
 Ужь не спущу я молодой жоны
 Пять лѣтъ на свою сторону,
 А въ десять лѣтъ да я ни разницку.
 Ужь мы гдѣ съ тобою увидимся,
 Да мы съ тобою да переглянемся?
 Мы черезъ полюшко увидимся,
 А черезъ рѣчищкѣ набанмси.
 Ужь ты по бережку находиши
 И по колѣнъ въ водѣ набродиши,
 И сѣра камешка напниши,
 И къ сердечку наприжимаши,
 Меня въ гось надождаши“.

Въ этой пѣснѣ неvěста жалуется матери на жениха, что онъ ей не будетъ пускать къ ней, такъ что имъ придется долго не видаться. И послѣ этого неvěста уходитъ отъ стола въ прилубъ, и беретъ тарелку въ руки, и опять идетъ къ столу, кланяется, а тарелка въ рукахъ. Поютъ къ отцу жениха:

„И увидѣла, увоарѣла
 Сквозь туманъ да горячи слѣзы,
 Сквозь великую обидушку,
 Я дородня добра молодця
 Да Ивана я Васильевича.
 Онъ стоитъ—будто свѣця горить,
 А говоритъ—будто рублемъ дарить.
 Голова твоя во сто рублей,
 Могуци плечи во тысяцю,
 А самому тебѣ цѣны нѣту.
 На твоей буйной головушки
 Трон, двои есть кудерышки;
 Первы кудри—самородныя,
 Други кудри завивалися.

Жемчужомъ да обешалися,
Не тряхни буйной головушкой,
Не развиль да скатня жемчюга,
Оберуть да твой свадѣнь жемчюгъ
Краснымъ дѣвушкамъ на лентышки,
А молодымъ да на фуражки:
А молодыцямъ на кокошницки.
Ты дари меня, обдаривай,
Или процъ меня отказывай,
Мнѣ дано примѣлка невозможнаго
Походить, покрасоватися”.

Въ этой пѣснѣ невеста расхваливаетъ всѣхъ поѣзжанъ, чтобы
онъ ей на тарелку денъги вложи. Кромѣ жениха всѣмъ такъ поютъ
поѣзжанамъ: они кладутъ невестѣ денъги, и каждого благодарять.
Поятъ такъ:

„Спаси Богъ, дѣ благодарствуемъ,
На цѣстномъ твоємъ дареньцѣ,
На гривнѣ твоей золотой
И на полтинѣ на серебряной,
Тебѣ цѣсь да мѣсто большее
У моихъ цѣтловъ-родителей,
Тебѣ цѣра зелена вина,
Другая цѣва цѣаного”.

Прячеты у стола кончилися. Поѣзжане угощаются за столомъ.
А невеста опять ѣдетъ къ дяди или къ теткѣ—поблизости заиграть
на свадьбу: опять съ дѣвушками въ сани садятся и ѣдутъ; когда
поѣхали къ теткѣ, то у крыльца заходятъ; невеста кланяется, а
теба на крыльцѣ встрѣчаютъ.

Поятъ такъ:

„Колокольцки на слышали,
Мела, дѣвушку, увидѣли,
У крыльця да вышли-встрѣтили”.

Съ этой пѣсней входитъ въ пѣбу и поютъ, а невеста молится.
Поятъ такъ:

„Ты здѣнься, моя права рука,
Повыше ясанхъ оцей;
Опустись, моя права рука,
Супротивъ сердца ретивого
И со права плечя на лѣвое,
Ужь я целомъ да поклоняюся

Большакамъ въ домъ нацѣльникамъ,
И большушкамъ тѣмъ нацѣльницамъ,
И на цетыре на сторонушки,
И веѣмъ гостямъ да приходящимъ“.

Въ этой пѣсни невѣста молится Богу и поклоняется веѣмъ старшимъ. Садятся веѣ за столъ. Невѣста платокъ сниметъ съ головы, а только сидитъ въ воль-перевлакъ. Когда кончили обѣдать, то еще за столомъ и запоютъ такую пѣенку:

„Спаси Богъ, да благодарствуемъ,
На цю, да вамъ на сахаръ,
На хорошемъ угощеньицѣ.
И слава, да слава Господи,
И нашлася, наѣлася,
Во цесномъ мѣтѣ наендѣлася
И красной ложкой нахлебалася.
Съ пирожка и съѣла короцку,
Да съ кашитоцки поливоцку,
Съ наливоцки нациноцку,
А колоба да и не зацла
И со сковороды не покушала.
Ужъ гдѣ-то есть у мня, невольницѣ,
Гдѣ-то тѣтишка-голубушка
И родимой милой дядинька?
Вы гостите, красны солнышки,
Ужъ велѣдъ за мной да проводителѣмъ
И на слозливую на свадебку
И ко разлукѣ дорогой воли,
Ко вѣнцамъ да ко злачѣннымъ,
А ко перетнямъ да обруцѣннымъ.
На судимой на сторонушки
Вамъ тамъ цесь да мѣсто большее,
Вамъ цяра зелена вина,
А другая пива пьяного“.

Послѣ этого гулянья и зазыванья невѣста ѣдетъ съ подругами домой, и у крыльца встрѣчаетъ ихъ мать. Они поютъ:

„У моего кормильца батюшка
Новы станицки подвышены,
Три ступеницки прибавлено.
Да не несуть и ножки рѣзвья
Да во высоту нову горенку.
Тебѣ спасибо, моя матушка,

За родство, да племя большее,
Покотьбнницѣ широкое,
Была гостьей я повстрѣица,
Была гостьей я проважена.
Я находилась, пагулялася,
Я душой да красной дѣвушкой*.

Съ этой нѣней входятъ въ избу или въ горницу. А поѣзжане также сидятъ за столомъ, угощаются; только женихъ стоитъ и кланяется всѣмъ. Какъ невѣста немного справилась, то покрывало-платокъ сбрасываетъ долой и идетъ въ одной волѣ-перевязкѣ на улицу, а съ ней причитальницы будутъ пѣть отдаваніе воли. Когда вышли на улицу, невѣста сняла съ головы волю, держитъ въ рукахъ. Причитальницы поютъ. Невѣста прощается съ волей, громко голосомъ плачетъ. Поятъ такъ начало:

„Ужъ полети-тко, моя волюшка,
Полети-тко ты, базковая,
На круглистое озѣрышко,
Водолавною сѣрой удушкой.
Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошненинько!
Ужъ я неладно, бѣдна, вздумала,
Не у мѣста волю оставила,
Ужъ ты сидь-ко, моя волюшка,
Ты на буйную головушку*.

Одѣваетъ волю на голову.

„Ужъ посмотрите, люди добрые,
Ужъ на меня, на красну дѣвушку,
И на мою базкову волюшку.
Ужъ у меня, у красной дѣвушки,
Вольеъ къ волосу не гладится,
А мнѣ волюшка не ладится*.

Снимаетъ съ головы волю, держитъ въ рукахъ и все время на улицѣ около дому плачетъ. Поятъ дальше:

„Ужъ мнѣ воли не постарому,
Дорогая не попржеиному,
Ужъ полети-тко, моя волюшка,
Въ темны дѣса лисенцею,
А во чистю подѣ куницею,
А по заполькамъ сѣрымъ заюшкомъ,
А по задворкамъ горностаюшкомъ.
Ужъ я неладно, бѣдна, сдѣлала.

Нехорошо-то я уладила,
Не у мѣста волю оставила.
Ужъ младъ да чушь-отецкѣй сынъ
Онъ идѣтъ да за охотою,
Онъ убьѣтъ да мою волюшку,
Онъ застрѣлитъ мою бажоную“.

Опять одѣваетъ на голову волю, и входятъ въ избу. Поютъ дальше.
Невѣста плачетъ такъ же громко:

„Ужъ накладу я свою волюшку
На буйную головушку,
Ужъ поглядите, люди добрые,
Ужъ на меня, на красну дѣвушку,
И на мою бажону волюшку.
Ужъ воли съ поля воротилася,
Подъ окошкомъ колотилася,
И почевать воли просилася.
Ужъ отвѣчалъ кормилецъ батюшко:
„Ты уйди проць, дорога воля,
Отъ косицята окошницъка“.
Пошла волюшка, взывается,
Мой невольный прокланяется:
„Ужъ буди проклять, красна дѣвушка,
Ты умѣла волю выростить,
А не умѣла волю выпустить,
Ужъ ты умѣла волеватися,
А не умѣла разставатися“.

Подходятъ къ столу и поютъ дальше къ брызгѣ. Невѣста плачетъ:

„Ужъ ты смѣтлива, брызга, догадлива,
Отвори, брызга, окошечко,
Ты отодвинь-ко, брызга, столицъка,
И заверни-тко скатеретоцъку,
Ужъ запусти-тко мою волюшку.
Ужъ моя бажона волюшка
Ходить не дверями, не воротами,
Ходить косицѣлымъ окошницкомъ“.

Снимаетъ съ головы:

„Ужъ ты клади-тко мою волюшку,
Положи мою бажоную
На стѣнушку лицѣвую,
На стопоцъку тоцѣную.

Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошнѣшнѣло!
Я пеладно, бѣдна, вѣдумала,
Я пехорошо уладила,
Не у мистницѣка оставила*.

Одѣваетъ волю на голову и подходитъ къ отцу. Когда идутъ, то беретъ дальше, а воли на голову. А когда подошли къ отцу, то снимаетъ съ головы и отдаетъ въ руки отцу, а сама падаетъ на плечо къ нему и громко плачетъ; плачетъ и отецъ. Поютъ дальше:

„Ужъ ты сидь-ко, моя волюшка,
На буйную головушку.
Ужъ поглядите, люди добрые,
Ужъ на меня, на красну дѣвушку,
И на мою бажону волюшку.
Ужъ голова мой не гладится,
Мнѣ-ка волючка не ладится*“.

Снимаетъ съ головы, отдаетъ отцу:

„Полети-тко, моя волюшка,
Къ кормильцю моему батюшку,
Сидь на буйную головушку.
Ужъ я пеладно бѣдна сдѣлала,
Пехорошо уладила,
Не у мистницѣка оставила.
Ужъ мой кормилецъ батюшко,
Онь нашьется зелена вишна,
Потеряток да мою волюшку,
Потеряток мою бажону*“.

Беретъ отъ отца волю, одѣваетъ на голову и расходится. Поютъ дальше:

„Ужъ накладу я свою волюшку
На буйную головушку.
Голова мой не гладится,
Мнѣ-ка волюшка не ладится.
Ужъ поглядите, люди добрые,
Ужъ на меня, на красну дѣвушку,
На мою бажону волюшку!“

Подходитъ къ брату, снимаетъ съ головы волю, отдаетъ въ руки брату, падаетъ на плечо, громко плачетъ; плачетъ и братъ. Поютъ дальше:

„Полети-тко, моя волюшка,
Полети, моя бажоная,

Къ соколу братцю родимому,
Сядь на буйную головушку.
Ужь ты родимой милой братилко,
Братецъ тошненька-тошненька,
Золота братецъ питиенька,
Братецъ луна да поднебесная,
А звѣзда да подвостоцкая,
Третинка свѣтла мистия,
Цетвертинка красна солнышка!
Ужь я неладно, бѣдна, сдѣлала,
Нехорошо-то я уладила,
Не у мистицька оставила.
Ужь мой родимый братилко—
Онъ нашьется зелена вина,
Потеряетъ мою волюшку,
Потеряетъ мою бажоную”.

Расходятся съ братомъ; беретъ волю, одѣваетъ на голову, идетъ къ сестрѣ. Поютъ:

„Ужь накладу я свою волюшку
На буйную головушку.
Посмотрите, люди добрые,
На меня, на красну дѣвушку,
На мою бажону волюшку!
Ужь голова моя не гладится,
Миѣ-ка волюшка не ладится.
Ужь полети-тко, моя волюшка,
Полети, моя бажония!“

Подходить къ сестрѣ, отдаетъ въ руки ей волю, надаетъ на плечо.
Обѣ плачутъ. Поютъ дальше:

„Ужь ты сядь-ко, моя волюшка,
Къ сестрицѣ ты, голубушки,
На буйную головушку.
Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошненинько!
Я неладно, бѣдна, вадумала,
Нехорошо уладила,
Не у мистицька оставила.
Ужь сестрица молодешинька,
Умомъ-раузомъ глупѣшинька,
Пойдетъ раннимъ бесѣдушкамъ,

По позднимъ вечеринкамъ,
Ужь потеряеть мою волюшку,
Потеряетъ мою бажоную*

Расходится съ сестрой; беретъ у ней волю, одѣваетъ на голову
Поуть дальше:

„Ужь положу я свою волюшку
На буйную головушку.
Ужь поглядите, люди добрые,
На мою буйну головушку,
На мою бажону волюшку.
Голова моя не гладится,
Мнѣ-ка волюшка не ладится“.

Подходитъ къ багаткѣ-кресной, снимаетъ волю съ головы, отдасть
кресной въ руки, надасть на плечо; обѣ плачутъ. Поуть дальше:

„Ужь полети-тко, моя волюшка,
Къ крѣсной моей матушка,
Сидь на буйную головушку!
Ужь ты возьми-тко, кресна матушка,
Мою волюшку бажоную,
Береги-тко мою волюшку,
Ты храни мою бажоную!
Ужь ты поспѣвала, крѣсна матушка,
Ты къ купели, ко свитой воды,
Какъ поспѣла, крѣсна матушка,
Ко разлукѣ дорогой воли,
Ужь ко вѣнцямъ да ко аладинимъ,
Да перетнимъ да обручѣнимъ,
Ко тошному расставананю,
Ко коеному раслетананю.
Ужь я неладно, бѣдна, сдѣлала,
Нехорошо уладила,
Не у мистницка оставила“.

Расходится съ кресной; одѣваетъ волю на голову, идетъ къ по-
другамъ, плачетъ. Поуть дальше:

„Ужь накладу я свою волюшку
На буйную головушку.
Посмотрите, люди добрые,
На мою буйну головушку,

На бажоную ца волюшку!
Ужь голова моя не гладится,
Миѣ-ка волюшка не ладится!"

Снимасть съ головы, отдасть подругамъ и плачетъ поочереду.
Поють дальше такъ:

„Ужь гдѣ-то есть у *меня*, у дѣвушки,
Гдѣ подружки мои милы,
Души да красны дѣвушки?
Вы возьмите мою волюшку,
Вы возьмите-тко бажоную,
Ужь не носите мою волюшку
По раннимъ бесѣдушкамъ,
Не позднимъ вечериночкамъ.
Вы, души да красны дѣвушки,
Вы по лѣтушку по красному
Поидите, мои голубушки,
По *иванскіе*-то *вишницки*,
По *петровскіе*-то *ягодки*
И по *пльнскіе* по *рыжницки*.
Вы оставьте-тко, голубушки,
Березку *вишниковъ* *перѣзанныхъ*,
Кусточки *ягодокъ* *небранныхъ*,
А *цвѣцу* *рыжниковъ* *неломанныхъ*!
Ужь у *меня*, у *красной* дѣвушки,
Ужь на *судимой* на *сторонки*,
У *богоданныхъ* родителей
Проидѣть день—слова *пытаючись*,
А *другой*—да *дожидаячись*,
А на *третій*—*спаряжаячись*,
И въ томъ *проидеть* у *меня*, у дѣвушки,
Семиденная *недѣлюшка*.
Березка *вишника* *закуліеть*,
И*тицки* *ягодки* *повыклують*,
А *црвы* *рыжницки* *повытоцять*.
Охъ ти *миѣ*, *миѣ*-ка *тѣшишныко*!
Ужь я *неладно*, *бѣдна*, *сдѣлала*,
Нехорошо *уладила*,
Не у *мистицка* *оставила*“.

Отходить отъ подругъ, одѣваетъ волю на голову, плачетъ.
Поють дальше:

„Ужь *накладу* я *свою* *волюшку*
На *буѣную* *головушку*.“

Посмотрите, люди добрые,
На мою буйну головушку,
На баконую на волюшку,
Ужь голова моя не гладится,
Мнѣ-ка волюшка не ладится*.

Снимаетъ съ головы, идетъ къ снохѣ, отдаетъ въ руки волю
снохѣ, падаетъ на плечо. Плачутъ обѣ. Поютъ дальше:

„Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошнѣшнѣчко!
Полети-тко, моя волюшка,
Полети, моя баконая,
Къ моей сестрицѣ богоданнѣй!
Ужь ты возьми-тко мою волюшку,
Да возьми-тко ты баконую,
По воду да не вешишьвай,
А по тавкамъ не ванибывай,
А по оконкамъ не покидывай,
Ужь я пеладно, бѣдна, едѣла,
Нехорошо уладила,
Не у *мастныка* оставила*.

Расходится со снохой; одѣваетъ волю на голову. Поютъ дальше:

„Ужь накладу я свою волюшку
На буйную головушку,
Посмотрите, люди добрые,
На мою буйну головушку,
На баконую на волюшку,
Ужь голова моя не гладится,
Мнѣ-ка волюшка не ладится!“

Снимаетъ съ головы, подходитъ къ матери, отдаетъ волю въ руки
и падаетъ на плечо; обѣ плачутъ громко, громко. Поютъ дальше:

„Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошнѣшнѣчко!
Полети-тко, моя волюшка,
Полети, моя баконая,
Къ моей добротѣ матушки,
Ты возьми, желанна матушка,
Мою да дорогу востю,
Клади бакону волюшку
За теплу бѣду наушку,
Ты подь правое подь крылышко,
Къ ретивому сердцеюшку,
Охъ ти мнѣ, мнѣ-ка тошнѣшнѣчко!

Я неладно, бѣдна, вздумала,
Нехорошо наладила,
Не у мистицѣка оставила.
Моя матушка старѣшнѣшка,
По избѣ ходить тихошнѣшко,
И поясокъ держитъ слабѣшнѣшко,
Ужъ потеряетъ мою волюшку,
Потеряетъ мою бажонку.
Ужъ ты возьми, желанна матушка,
Да мою-то дорогу волю,
Снеси въ клѣтоцѣку двороуку
И въ коробецѣку замѣнуку.
Ужъ ты гляди-тко дорогу волю
По три разика на суроцѣки,
По четире на педѣлюшки.
Не бусіетъ моя волюшка
Во замѣной коробеюшкѣ—
Хорошая миѣ жирушка
На судимой на сторонушки.
Ужъ какъ поцериѣла моя волюшка
Во замѣной коробеюшкѣ,
То худая моя жирушка
На судимой на сторонушки.
Охъ ти миѣ, миѣ-ка тошнѣшнѣшко!
Я неладно, бѣдна, вздумала,
Нехорошо уладила,
Не у мистицѣка оставила“.

Разстаётся съ матерью, одѣваетъ на голову послѣдній разъ волю,
идетъ на улицу, плачетъ громко. Поютъ дальше:

„Ужъ накладу я свою волюшку
На буйную головушку.
Ужъ поглядите, люди добрые,
Послѣдній разицѣкъ на дѣвушку
И на мою бажону волюшку.
Ужъ голова моя не гладится,
Миѣ-ка волюшка не ладится“.

Снимаютъ съ головы волю. Поютъ дальше.

„Полети-тко, моя волюшка,
По вѣгрушку по буйному
Да въ горюда да во пнаогые,
По деревни незнакомые.

Ужь я кину свою волюшку
Во матушку сыру землю;
Затоцко я свою волюшку
Ужь я своимъ да кѣрнимъ цѣботомъ*.

Послѣ всего этого, все невѣста, причитай лица входить обратно или въ тарницу, или особую кѣтлушку. Невѣста отдасть перевязку матери. Приносятъ ей воды; она умывается. На этомъ слезливое все кончается, а также и причеты все кончены. Когда невѣста готова къ вѣнцу, се садитъ, то въ это время будетъ обдариваніе поѣзжанъ. Одна изъ подружек невѣсты беретъ тарелку, невѣста кладетъ на тарелку шелковый платокъ жениху на шею, дѣвушка идетъ къ столу и говоритъ:

„Пожки съ подходомъ,
Руцки съ подносомъ,
Сердцѣ съ покоромъ,
Языкъ съ приговоромъ,
Голова съ поклономъ!
Князь молодой,
Егоръ Михайловичъ,
Принимай подарки
Отъ княгини молодой
Парасковьи Павловной!“

Женихъ беретъ платокъ. Дѣвушка опять говоритъ:

„Князь молодой,
Наша тарелка не розна,
Не ходитъ владъ порозна!“

Женихъ обязанъ класть деньги, хотя рубль; дѣвушка идетъ обратно къ невѣстѣ. Невѣста кладетъ рубашку, брызгъ — подарокъ; дѣвушка несетъ и говоритъ:

„Пожки съ подходомъ,
Руцки съ подносомъ,
Сердцѣ съ покоромъ,
Языкъ съ приговоромъ,
Голова съ поклономъ!
Пелагея Михайловна,
Принимай подарки
Отъ княгини молодой
Парасковьи Павловной!“

Брюзга беретъ рубашку, на отвѣтъ говорить:

„Сама наша невѣста
Не спала
И не дремала,
Всѣ дары справляла,
Тонко прила,
Звонко ткала,
Бѣло бѣлила
И намъ подарила!“

Дѣвушка говорить брюзгѣ:

„Наша тарелка не розна,
Не ходитъ взадъ порозна!“

Брюзга кладетъ деньги. И такъ каждому подносятъ подарки. Когда подарки окончены, невѣста одѣвается ѣхать къ вѣнцу. Одѣваетъ пальто, а на голову накидываютъ большой платокъ, такъ что лицо закрыто; ей берутъ подъ руки отецъ, братъ и ведутъ уже въ избу. Когда входятъ въ избу поѣзжане—все встаютъ, а невѣста останавливается у порога; то отецъ ей говорить поѣзжанамъ, что — не ѣдетъ; то наливаютъ рюмку вина; отецъ ее ѣдетъ, то невѣста подойдетъ немного, опять остановится; тогда братъ говорить, что не ѣдетъ; ему наливаютъ вина, а также и матери. Въ это время народу полная изба. Лошади уже готовы, впряжены. Братъ невѣсты беретъ её за талию, подходитъ къ краю стола съ невѣстой,— это называется: подавание невѣсты жениху,— около невѣсты ей подружки. Братъ говоритъ жениху:

„Вотъ на тебѣ
Тетерку
Нещипаную, нетеребряную“.

То дѣвушки — подружки невѣсты—такъ толкнуть невѣсту къ жениху, что едва на ногахъ устоятъ. А тысяцкій въ это время подниметъ покрывало и говорить: „Надо посмотреть, не подмѣнили-ли намъ какую-нибудь старуху“. А бабы и дѣвки, когда невѣсту пихнули къ жениху, то громко-громко три раза поютъ:

„Вотъ на тебѣ тетерку
Нещипаную,
Нетеребряную.
Эхъ самъ щипля,
Эхъ самъ тириби,
Отъ людей бириги.“

Эхъ, сита, рѣшета,
 Дому держи
 Да ступи во дому
 Тебѣ п... одному“.

Потомъ поють къ брѣзгѣ:

„Уась ты, брѣзгушка молодая,
 Сорочицка добытая,
 Што ты вицѣрь говорила,
 Всему повѣду посулила.
 Въ щель п... улинила,
 Молодотцкомъ заколотила“.

Потомъ поють къ тысяцкому:

„Тысяцко, неумоя,
 Неумоя:
 Потеряль портки
 На дорогѣ, на дорогѣ;
 Привязалъ коня
 Къ огорода, къ огорода;
 Не нашель портковъ
 На дорогѣ, на дорогѣ!“

Послѣ этого поють къ свату, отцу жениха.

„Штоби ты, свата, извело,
 Да осирѣтки поля вытрясло,
 На ступень ступить—
 Нога сломить,
 На другой ступить—
 Друга сломить,
 На площадкѣ—
 Голова сверцуть,
 Да киселемъ-то задавитися
 И молокомъ-то захлебнутися“.

Пока поють, то имъ, причитальницамъ, даютъ деньги — про кого они поють; это называется—откупился, а то нѣсколько разъ повторять эти пѣсни. И поѣзжане, пока бабы поють, то наливаютъ вино, а отецъ невѣсты разноситъ своей породовой. Когда все кончено, молятся Богу. Тысяцкѣ беретъ жениха за руку, ведетъ изъ-за

стола: женихъ ведетъ за руку невѣсту, а невѣста, когда выходитъ изъ-за стола, то ея крестница хватается за кошу, кричить:

„Сторублева коса,
Сторублева коса,
Сторублева коса!“

Женихъ подаетъ ей рубль, а поелъ этого опять двинулся въ ходъ, а невѣста обязательно по обычаю захватываетъ столъ за край и тянетъ за собой до самого порога; поелъ этого отпустить и идти во дворъ.

Съ невѣстой всегда ѣдутъ ея брать съ женой или же другою ближайшею родственницею. Когда только садятся въ сани, то невѣсту обязанъ женихъ поднять и посадить въ сани,—то подружки ея въ это время вѣшаютъ за невѣсту, и такъ до трехъ разъ. Какъ только сядутъ въ сани, то женихъ ѣдетъ съ тысяцкимъ впередъ, а невѣста за ними, а остальные поѣзжане вѣздъ. Когда только тронулись, то бабы, дѣвки громко поютъ отставало:

„Эхъ, изъ-за лѣсу, лѣсу темного,
Да изъ-за саничку зелѣного,
Литълю стадо сѣрыхъ гусей,
А друго стадо бѣлыхъ лебедей.
Отставала лебедь бѣлая,
Да отставала отъ стада
Лебединого,
И приставала лебедь бѣлая
Да ко стаду-ко сѣрыхъ гусей.
Да начали лебедку щипати,
Да начала лебедка крыкати:
„Да не щиплите, гуси сѣрые,
Да не сама я къ вамъ залѣтала,
Я не своей волею-охотою,
И занесло меня погодою,
Красну дѣвушку, невзгодою,
Во худую дереvушичку,
Да безверхую избушичку.
На болотѣ бревна *сичены*,
Квашенникомъ бревна *осоцены*,
Да на собакахъ брѣвна *вожоны*,
Да по ниткамъ брѣвна *здыманы*,
Да по соломинкамъ *накатаны*,
Долотомъ двери *продолблены*,
А шиломъ труба *прокопана*,

А сверломъ окна просверлены.
Десять дѣтъ изба не мывана,
Двадцать дѣтъ да бугъ не бучиванъ,
Да всё меня да дожидаются,
Моей сидушки вытываютъ!"

Имени свадебнаго обряда всё окончено, такъ какъ послѣ вѣнца тамъ ничего не поють.

Когда поѣздъ приближаетъ къ церкви и входятъ въ церковь, то сноха у невѣсты расплетаетъ косу и завязываетъ волосы пучкомъ, чтобы не распалась. Когда повѣчаны, то поѣздъ весь ѣдетъ впереди, а молодые, закрывшись, всѣхъ позади ѣдутъ. Когда поѣздъ подъѣдетъ къ деревни, то мужчины устраиваютъ чуги изъ соломы и зажигаютъ ихъ при проѣздѣ поѣзда, и, обязательно, поѣздъ заѣзжаетъ со дворъ. И теперь уже происходитъ въ домѣ жениха ширь. Народу собирается много: отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ, а невѣстину отецъ и мать къ вѣнцу не ѣдятъ. Когда молодые выходятъ изъ саней, то отецъ жениха и мать надъ головами несутъ образъ и хлѣбъ-соль, а въ сѣняхъ подается шуба. Отецъ, мать садятся на скамейку: молодые падаютъ имъ въ ноги, 3 раза ихъ благословляютъ отецъ и мать. Послѣ этого кресной ведетъ въ избу въ большой уголь. Невѣста все время закрыта. Когда заведетъ за столъ молодыхъ, то двѣ сидушки берутъ пастылашникъ, или широкую простыню, и загибаютъ молодыхъ, чтобы никто не видѣлъ, какъ молоду спариваютъ. Невѣсту убираетъ, украшаетъ жена брата ея, заплетаетъ двѣ косы, одѣваетъ поновникъ и наверхъ кокошникъ и шелковый платокъ. Жениху расчесать волосы, привести все въ порядокъ, то тогда снимаютъ прочъ пастылашникъ, а сватья, которая убирала молодыхъ, говоритъ:

„И свою работу сработала,
Молоду принарядила,—
Какова молода?"

Всѣ кричатъ—„хороша!" Тогда тысяцкому подаютъ 3 горшка по-поше, и онъ ихъ бросаетъ прямо отъ стола на печь. Молодые стоятъ, кланяются. Опять тысяцкому подаютъ чашку со шибенной кашей, и онъ съ ложки кормитъ до трехъ разъ молодыхъ: какъ почернить ложку, поднесетъ жениху, женихъ половину съ ложки ѣсть, остальное молодца, и такъ до трехъ разъ. Послѣ этого подходят свекоръ и свекрова, го невѣста выходитъ изъ-за стола одна и падаетъ имъ въ ноги. Они её поднимаютъ, поздороваются, и тогда невѣста идетъ опять за столъ къ жениху. Столъ накрытъ бѣлой скатертью; на столѣ—хлѣбъ-соль и квасъ. То свекоръ и свекрова и другіе подходятъ къ столу попробовать квасъ. Немного поють, говорятъ: „Горька! Невѣста, под-

сласти! И молодая кланяется имъ 3 раза и цѣлуетъ мужа. После этого молодыхъ ведутъ въ горницу, и туда весь народъ идетъ къ нимъ, а за этимъ столомъ угощаются пѣвзжане. А молодыхъ все время дразнить: старики, старухи возьмутъ какую-нибудь палку или лучину, надъ верхомъ поколотятъ, говорятъ: „запоронило“, и молодая обязана каждый разъ встать, поклониться въ поясъ и цѣловать мужа. Когда время позднее, то большие столы откладываются до второго дня. Молодые немного закусятъ, и ихъ ведутъ въ отдѣльную или клѣть, или горницу, и когда ложатся спать, то сваты, которая убирала ихъ, повалить спать и свяжетъ ноги имъ сѣтью, чтобы никто ихъ не спортилъ; по предацію, если ворогъ хочетъ спортить молодыхъ, то ему надо развязать каждый узелокъ, а у сѣти узелковъ много. А что касается честная или нечестная невѣста, то на это не обращаютъ вниманія и ничего не думаютъ, и не гадаютъ. Больше тамъ выходить честныя, но а если которая выходитъ нечестная, то женихъ знаетъ её раньше, что она такая. А на второй день молодымъ топятъ баню. Они идутъ въ баню. Изъ бани приходятъ, благодарятъ родителей. И въ тотъ же день женихъ ѣдетъ на лошади звать въ столы породовую невѣсту. Собираются обыкновенно вечеромъ,—только за столъ садятся родные невѣсты, а жениха роднымъ не полагается за этимъ столомъ.

Мать, отецъ невѣсты везутъ ей приданое: постель, платье и другое. Всегда даютъ за невѣстою корову. Когда съѣдутся родные невѣсты, то начинаютъ столовать. Молодые не участвуютъ, пока ихъ не позовутъ. А кто за столомъ, то тѣхъ угощаютъ чаемъ съ закусками, и свекоръ разливаетъ вино. После чаю кормятъ обѣдомъ тоже съ виномъ, а въ концѣ обѣда главная церемонія: зовутъ жениха и невѣсту къ столу. У невѣсты въ рукахъ тарелка, а на тарелкѣ рюмка; женихъ стоитъ рядомъ съ ней, а свекоръ наливаетъ рюмку на тарелкѣ. Невѣста по старшинству подноситъ. Сначала отцу своему подаетъ. Отецъ беретъ, невѣста кланяется 3 раза въ поясъ. Отецъ начинаетъ дразнить: „охъ, горько подала!“ Невѣста кланяется, цѣлуетъ мужа. Онъ опять пошьетъ и опять ломается, и такъ длится долго. Разными ухищреніями пытаются, томятъ невѣсту, ломаются, и она должна кланяться и цѣловать мужа. И такъ остальнымъ то же самое — всё ломаются надъ рюмкой. Когда окончена рюмка, то каждый обязанъ бросить денегъ на тарелку вмѣстѣ съ пустою рюмкой—это подарокъ для невѣсты. И после столовъ всё благодарить молодыхъ и ихъ родныхъ, разѣзжаются по домамъ. А пѣсенъ после вѣнца никакихъ нѣтъ; только когда, будетъ, дѣвушки играютъ ланцою, то свои поютъ не относящіяся къ свадьбѣ. И молодыхъ всегда на второй день посылаютъ за водой. Они идутъ съ ушатомъ; у нихъ до трехъ разъ прольютъ воду. А на масляной молодыхъ катаютъ съ горы, и женихъ долженъ заплатить за катанье, на льно дать долженъ стари-

камя. И есть обычай, если кто падить-сватался, а не женился, то на масляной берут мужики борону, поворачивают верхъ зубьями и прямо на зубья сажают свата, а не жениха, и везут его по деревням, потряхивая борону, и 3 раза провезуть; смѣху много, да кромѣ того, кого везут на боронѣ, долженъ откупиться—дать на вино, а то будутъ возить долго. И тѣмъ свадебный брядъ и обычай кончается.

Ив. Колобовъ.

Купчикъ.

Русская плясовая пѣня¹.

(Дер. Старый Спасъ, Ефимьяновской волости, Старшникаго уѣзда, Тверской губерніи).

Всякому извѣстно, что пляска есть символъ веселья. Въ тоскѣ, напримѣръ, человекъ можетъ и заиграть на какомъ-либо музыкальномъ инструментѣ, дабы развеять эту тоску, забыть о ней хотя на малое время (это отчасти можно видѣть изъ священной исторіи: Давидъ, играя на гусляхъ, этимъ самымъ успокоивалъ возмущаемаго злымъ духомъ Саула, которому становилось лучше и отраднѣе), но ни въ коемъ случаѣ онъ не заплачетъ. Слѣдовательно пляска есть только выраженіе веселья.

Мнѣ неизвѣстно, знаютъ ли питерскіе, какъ пляшутъ въ деревнѣ; деревенскіе же знаютъ питерскія пляски или, лучше, знаютъ нѣкоторыя названія питерскихъ плясокъ (танцевъ). Такъ, напр., тамъ даже отъ восьми-девятнадцатого услышишь слова: „танцы, кадрѣли“. Но эти слова употребляются тамъ и въ другомъ, быть можетъ, нѣкоторымъ не правящемся, значеніи; такъ, когда привязанная лошадь, чего-нибудь испугавшись, начнетъ бѣшено кружиться около своей привязи, напр. около телеги, то въ рассказъ объ этомъ обыкновенно вставляютъ: „дыкъ анъ кыкъ началъ тынцовать ѳкыль тылѣги та!“ Если же эта лошадь сорвется съ привязи и начнетъ бѣгать, выкидывая всевозможныя штуки, то тогда скажутъ такъ: „кыкъ панидѣль кадрѣли выдѣлывать, дыкъ кудѣ ти!...“

Теперь въ деревняхъ почти у cadaго холостяка есть какая-нибудь музыка, а что касается самихъ деревень, то не найти ни одной деревни, гдѣ бы были холостые ребята и не было никакой музыки. Хотя какая-нибудь плохонькая тальяночка, да все-таки можно

¹ Запись эта сдѣлана въ 1903—1904 г. подъ руководствомъ В. Н. Чернышева ученикомъ 3-го класса Андреевскаго городского училища Андр. Андреевымъ. Печатается почти въ томъ видѣ, въ какомъ получена; нѣкоторая неровность въ изложеніи искупается подробностями и точностью бытовыхъ свѣдѣній. Въ пѣснѣ и во вносной рѣчи довольно удачно передается мѣстный говоръ. *Ред.*